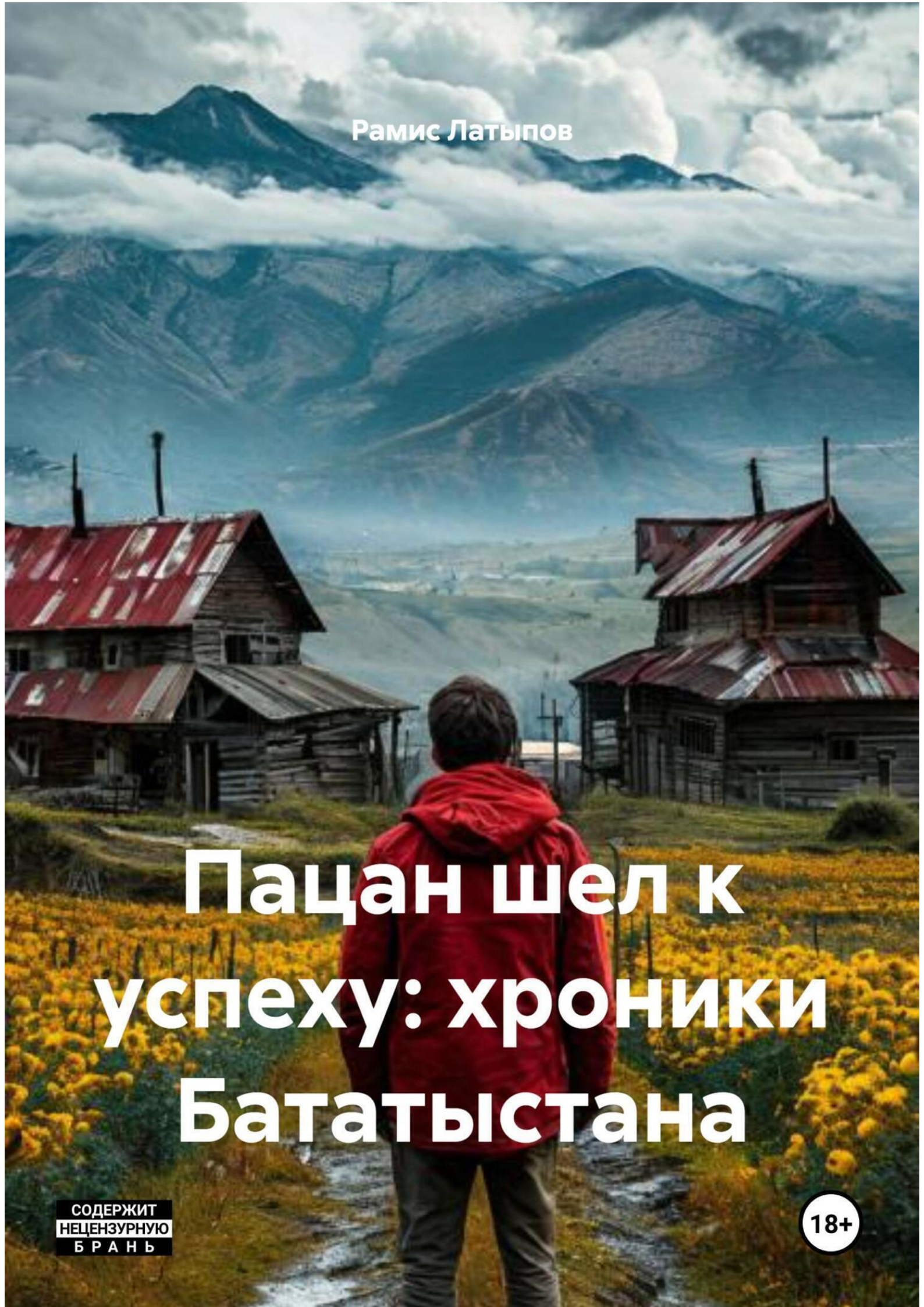

Рамис Латыпов

Пацан шел к успеху: хроники Бататыстана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рамис Латыпов

**Пацан шел к успеху:
хроники Бататыстана**

«Автор»

2025

Латыпов Р.

Пацан шел к успеху: хроники Бататыстана / Р. Латыпов —
«Автор», 2025

В одном из самых загадочных и суровых районов Бататыстана начинается путь молодого человека к вершинам власти — но цена этой дороги слишком высока. За фасадом сельских будней и чиновничьих интриг скрываются темные силы, мистические проклятия и страшные тайны, которые меняют судьбы и превращают жизнь в настоящий ад. Это история о предательстве и мести, о борьбе за власть и душе, о тех, кто готов пойти на всё ради денег и статуса. Но что делать, если тьма приходит изнутри? Кто спасет тех, кто уже потерял себя? И возможно ли искупить прошлое, когда вокруг только ложь и измены? Погрузитесь в атмосферу реального мистического триллера с элементами политической драмы, где жизнь и смерть, добро и зло переплелись в бесконечном танце. Узнайте, как в Бататыстане правят не только чиновники, но и колдуны, а каждый шаг может стать последним...

© Латыпов Р., 2025

© Автор, 2025

Рамис Латыпов

Пацан шел к успеху: хроники Бататыстана

Рамис Латыпов

Пацан шел к успеху: хроники Бататыстана

Пацан к успеху шёл, не получилось, не фартануло

(фраза из ролика про пермских гопников, которые жестоко убили мужчину ради магнитолы и машины)

БРИГАДА РАБОТАЕТ

Бригада строителей работала на ферме почти круглосуточно.

– Точно черти, – говорили в деревне про них.

Им было непонятно, когда же эти люди отдыхают и обедают. В деревне рано встают, но сельчанам ни разу ещё не удавалось застать пустующее здание. День или ночь – на крыше фермы всегда копошились строители.

Ябай хотел застать их спящими, показать, что «начальство не спит», и несколько раз приезжал очень рано. Но тщетно – строители всегда были на посту. Ябай поражался работоспособности этих людей – немолодые же люди... Но желание почувствовать себя начальником пересилило: однажды он поставил будильник на три утра. Хотелось показать, что начальник просыпается ещё раньше и работает дольше.

Подъезжая к ферме, он издали заметил начальника бригады – старичка по имени Николай. Тот стоял около здания и смотрел на солнце.

«Молится, похоже», – подумал Ябай и остановился чуть поодаль.
Старик кивнул ему.

– Доброе утро, Николай!

– Доброе утро, сынок. Ты что-то очень рано.

– Ну, не совсем. Я всегда так просыпаюсь, – соврал Ябай.

– Ну не в три же. Мне-то ладно – я уже старик, своё отоспал. А молодым спать надо. Небось и жене не нравится, что муж уходит так рано? – усмехнулся Николай.

– Что поделаешь, работа...

– Да, все мы так, пока молодые. Деньги с неба не падают. Ну ладно, подойди. Посмотри.

– Куда?

– На солнце. Я каждое утро встречаю восход. Получаю энергию от природы. Встань так же и про себя читай молитву. Проси, чтобы солнце очистило тебя от плохих мыслей.

– Энергию солнца берёте, что ли? – удивился Ябай. Он вспоминал, что слышал про таких людей – мол, они даже не едят.

– Ну конечно. Без солнца мы бы не жили. Человек оторвался от природы, и это неправильно... Слушай своё тело, сынок.

Ябай не любил такие разговоры. Таких людей он считал если и не свихнувшимися, то странными точно. «Что значит – слушать тело? – думал он. – Он что, капуста? Хоть стой на солнце, хоть не стой – денег больше не станет, а жрать-то всё равно хочется!»

Ему не терпелось войти на ферму – разбудить рабочих, показать своё начальственное положение, ещё и наставления почитать. Но Николай его остановил:

– Не надо, сынок. Пусть спят. Мы в срок закончим. Вчера был тяжёлый день. Я сам их разбужу. Хорошо, что ты приехал пока они спят. Поговорим об оплате.

– Я же обещал, дядя Коля! Разве вы не знаете, кто я теперь? Я не могу не заплатить, – махнул рукой Ябай.

– Знаю. Ты молодец, Ябай. Тебе и тридцати нет, а такой вертикальный взлёт! Знаешь, что это? Я знаю – я ведь на самолётах летал. Самолёт – как гвоздь вверх. Я военным был, пока травму не получил. Вот ты так же – летишь прямо к солнцу!

ЯБАЙ ИДЕТ НАВЕРХ

Николай что-то продолжил говорить про службу. Ябай предался воспоминаниям.

Старик был прав. Ябай совсем недавно был назначен заместителем главы района. В последние годы не было ни одного года без повышений в должности. Ябай уже хорошо понимал, что значит должность. Это стало особенно явным после последнего назначения – про него вспомнили даже те знакомые, о существовании которых Ябай даже забыл. Они откуда-то находили номер его мобильного и поздравляли с назначением. Даже его школьная любовь, которая, несмотря на многолетние старания Ябая, когда-то даже не соизволила по-человечески с ним поговорить, – и та позвонила! Вот что делает должность! Недаром он так давно и старательно шёл к этому. Ещё в школе мать готовила его к этому триумфу.

– Вот люди – они такие, – говорила тогда его мать. – Будь уважаемым, при должности и будь богатым. Только тогда люди идут на поклон. Так было всегда и впредь так будет. Будешь простым человеком – ты никому не нужен. О ненужности славы и почтения говорят только те, кому нет ни славы, ни почитания...

Ябай хорошо помнил и притчу, которую рассказала мать. Ходжа Насретдин стал муллой, его пригласили на званный ужин. Он поднял подол одежды и протянул к еде: «Ешь, подол, ешь – это из-за тебя меня сюда и пригласили».

– Должность – это доверие, – сказал глава района Ажаган Ялагаевич при его назначении.

– Мы оказываем тебе доверие. Кого угодно на эту должность не назначают. Это доверие не только тебе, но и твоим родителям. А должность – это возможности.

Ябай это уже понял, когда его назначили инспектором отдела в администрации района. Люди думают, что чиновники богатые, потому что получают много. Ха! На самом деле там зарплаты копеечные – даже на сигареты не заработаешь. И если сам дурак, то ничего не добьёшься – будешь выполнять огромный объём работы за копейки.

Ябай освоился быстро. Должность сама открывала новые двери.

Первая нетрудовая зарплата появилась сама по себе. Ябай до этого и не понимал, как чиновники берут взятки. Но всё оказалось очень просто. Пришёл директор строительной организации Казерле Хурматович и молча протянул конверт, поблагодарил – и ушёл.

«За что?» – только успел спросить Ябай.

– За добрый взгляд, – усмехнулся тот.

Ябай понимал, за что – по приказу непосредственного начальника он лично согласовал проект, к которому администрация вообще не должна была иметь отношения. Видимо, директор решил его отблагодарить...

Открыл конверт – там было десять тысяч рублей. Он задумался – а не проверка ли это? Почему этот директор, личный друг главы, отдал конверт именно ему?

Он сначала хотел рассказать об этом своему начальнику – Мотлаку Киряковичу. Пошёл к нему, но на лестнице столкнулся с самим главой. Даже не подумав о последствиях, выпалил, что у него есть разговор.

– Разговор? – прищурился глава. – Ну заходи...

Ябай всполошился, но было уже поздно. В кабинете он отдал главе конверт и рассказал, что и как было. Ажаган Ялагаевич был удивлён – ещё никто ему по доброй воле не отдавал «личные» взятки от рядовых сотрудников. Его друг Казерле тоже его немного поразил – он не знал, что тот платит деньги и обычным исполнителям.

«Вот дурак!» – подумал глава про своего друга.

– Ты молодец, – сказал глава Ябаю. – Конечно, я знал про это. Но ты прошёл проверку. Молодец. Мог бы и зажать. Но я бы всё равно сделал выводы про тебя.

ЯБАЙ ПОДНИМАЕТСЯ ВЫШЕ

Глава попытался выяснить, сколько заплатил Казерле остальным сотрудникам.

– Я не знаю, – честно признался Ябай.

– А ты попытайся вспомнить. Я поощрю, – ласково сказал глава.

«Эх, была не была!» – подумал Ябай и тут же придумал:

– Сколько заплатил – не знаю. Но я видел, как Казерле Хурматович с конвертом заходил и к начальнику отдела...

– Молодец! – сказал глава.

Он забрал девять тысяч и отдал одну тысячу Ябаю.

– За честность! – добавил Ажаган Ялагаевич.

Ябаю стало обидно – он рассчитывал на половину. Но что поделаешь?

Впрочем, эти девять тысяч он "отбил" почти сразу. Глава пригласил Казерле Хурматовича на шашлыки и выяснил, что тот платил и заместителю главы, и начальнику отдела Мотлаку Киряковичу, и простым инспекторам. Начальник отдела был снят с должности. Глава заставил Мотлака Киряковича вернуть огромную сумму – якобы за ранее полученные взятки. Но Ажаган Ялагаевич был начальником широкой души – особо не обижал провинившихся. Мотлака Киряковича он назначил директором школы.

Ябая назначили заместителем начальника. Недолго он пробыл на этой должности – вскоре стал начальником. Все были в шоке. Пошли слухи, что у него «связи в Москве».

Ябай уже знал, на чём прогорел его предшественник. Мотлак Кирякович не интересовался жизнью сотрудников отдела. Ябай же первым делом организовал внутреннюю слежку – сотрудники должны были следить друг за другом и ежедневно докладывать ему. Этим он не ограничился: заказал в Казани миниатюрный диктофон и иногда устраивал личную прослушку.

Он понимал: взятки – опасная штука. Много не дадут, а погореть легко. Нужно было сделать так, чтобы деньги шли сами.

Он предложил главе, что сам будет заниматься строительными работами. Идея понравилась.

– Делай. Посмотрим на твоё поведение, – сказал глава.

Раньше в районе шабашками занимались армяне. С ними было просто, но откат поднять не удавалось. С Ябаем – другое дело. Размер отката можно было увеличить.

Первый заказ для Ябая был сложным. Нужно было найти надёжных людей, организовать их... Но он справился. Хотя ему самому достались копейки, Ябай понял – за этим будущее.

Он выполнил ещё несколько небольших заказов. И глава, и он сам остались довольны.

Вскоре он нашёл Николая из соседней республики. Николай был обязательным, честным человеком. Бывший военный строитель, он жил по принципу «мужик сказал – мужик сделал». Несмотря на то, что почти всю жизнь провёл в военных городках, после демобилизации поселился в родной деревне и по мировоззрению оставался сельским. Работать с ним было просто.

Последний заказ был серьёзным. На строительство животноводческих помещений в одном из сёл рядом с райцентром претендовали даже крупные строительные организации из столицы. Но благодаря должности и близости к главе района заказ достался Ябаю. Хотя Николай и его люди никогда раньше не работали на крупных объектах, они взялись за дело. Деньги были большие, и все надеялись: эта стройка станет для них судьбоносной.

НИКОЛАЙ ПРОСИТ ДЕНЬГИ

Конечно, после получения оплаты самый жирный кусок придётся отдавать кому положено. Ябай всегда нервничал от таких мыслей. Вот он работает, в три утра встал, проверяет рабочих! Надо подготовить документацию, всё согласовать. Но он уже научился многое подделывать – благодаря этим ухищрениям удастся сэкономить часть денег. Но самое главное – необходимо поделиться с Ажаганом Ялагаевичем: основной кусок забирает он.

Хорошо бы взобраться ещё выше. Надо подниматься вверх!

Впрочем, была бы хорошая зарплата – возможно, не приходилось бы так интенсивно зарабатывать. Например, платили бы ему миллион в месяц! А что, его нервная работа не стоит, что ли, таких денег? Правильно говорят – бюджетникам надо повышать зарплату...

– Сынок... Я по поводу оплаты...

Ябаю стало неприятно, что его оторвали от мыслей.

– Я не сынок, Николай. Ябай Гадиевич я. И я сказал, что оплачу.

Старик немного изменился в лице. Он не любил чинопочитания – ему по душе были человеческие отношения.

– Хорошо, Ябай Гадиевич. Просто скажите мне, какого числа. А то мои рабочие беспокоятся. Они мне поверили, пришли. У всех семьи, а цены как растут – сами знаете. И потом...

– На следующей неделе. Вы же на следующей неделе закончите?

– Дай Бог, закончим. После работы?

– Да. Вы закончите – я оплачу.

– Спасибо, Ябай Гадиевич!

– Чтобы всё было нормально. Принимать буду лично сам. Чтобы никаких претензий со стороны приёмщиков не было.

Ябай после успешной сделки хотел купить «Лексус». Пусть у него будет самый крутой автомобиль после главы района! У Ажагана Ялагаевича – «Порше», а у него будет «Лексус». Пока у него всего лишь «Ланд Крузер», как у всех старпёров-чиновников.

В районе и чиновники по душе оставались колхозниками – вкус у них был никакой. Они покупали автомобиль побольше – «Тойота Ланд Крузер». Ябай посоветовал Ажагану Ялагаевичу купить «Порше» – и не прогадал. Чиновники в столице были в восторге! Ажаган Ялагаевич по каким-то делам съездил в соседний Татарстан – и там все оценили по достоинству. Ни у одного районного главы не было такого автомобиля.

Счастливый Ажаган Ялагаевич подарил свой автомобиль шибко грамотному заместителю. Но Ябай не мечтал о бывшей «Тойоте» – ему нужен нормальный автомобиль.

Так заведено в этой стране – даже поговорка есть: «По одежке встречают». Если у тебя крутая тачка – и отношение будет соответствующим. После покупки автомобиля он бы ещё и на Мальдивы слетал... А то все начальники ездят в Арабские Эмираты, как будто в мире других стран нет!

С этими мыслями он уехал домой.

Николай пошёл разбудить своих работяг.

БАТАТЫСТАН – ВЕСЁЛАЯ СТРАНА

У всех регионов есть свои особенности. Бататыстан – аграрная республика. Здесь всё было аграрным. Начиная от преподавателей философии в университете, заканчивая эстрадными певцами – все были выпускниками сельскохозяйственных учебных заведений.

На вопросы: «Где ты так хорошо изучил астрономию, откуда ты знаешь, что планета Венера по размеру больше, чем Меркурий?» или «Где ты научился так красиво одеваться?» – здесь с гордостью отвечали:

– В сельскохозяйственном техникуме!

Зато в Бататыстане всё было спокойно. Тут не было ни недовольных, ни довольных – тем более. Агропромышленная политика была пёстрой, как картофельное поле в июльскую жару. Тут и прекрасные цветочки картофеля, и красные личинки колорадского жука, и полосатые жуки, и чёрные медведки под землёй, и сельчанин с насосом и баллоном-протравителем на боку...

А вот пчёлы тут не летали. Пчёлам тут не место. Всё было спокойно.

Народ тут жил зашуганный. Они никогда не говорили открыто о своих мечтах, любили сидеть во дворе взаперти. Предпочитали изучать происходящее на улице из щелей в заборе. Зато они всегда были в курсе. Допустим, парень Илак только начал ухаживать – какое там ухаживать! – только начал **думать**, что пора бы ухаживать за красавицей-соседкой Джилой, а тут уже вся улица в курсе и шушукается об этом.

Провёл Илак Джилю до дома первый раз после танцев – и уже вся деревня утром только об этом и говорит:

– Ты как думаешь, Илак в этом году сможет жениться, или на следующий год оставит свадьбу?

– Да он же мямля, не сможет в этом году... Денег-то у него как куриный помёт.

– Мямля-то мямля, но ребёнка сделает несчастной Джиле – и придётся жениться! Ты разве не помнишь, как его сестра забеременела от какого-то солдата? У них в роду все на этот счёт очень слабые!

– Да и не говори, может, уже и переспали. Утром Джила выглядела заплаканной, сморкнулась очень смачно.

– Да? Если так смачно, значит, точно – всю ночь плакала. А живот? Животинку не видать?

– Вроде и животинка торчит, чуть-чуть.

– У Илака мать очень злая. Несчастливая Джила, не повезло ей, ой, не повезло!

– Да, с такой мямлей-мужем тяжело ей жить...

– Так ей и надо! Не надо было переспать с кем угодно!

И дальше вся жизнь молодых проходит под пристальным вниманием деревни.

Тут стесняются естественного и не обращают внимания на омерзительное. В Бататыстане нельзя говорить слово «секс», но зато отец семейства при детях может послать жену на три буквы и смачно рассказать, как грубо поимел свою тещу. Здесь осуждают родителей, чьи дети играют в компьютерные стрелялки. «О, ужас!» – только и говорят об играх строгие учительницы в очках, а дома отправляют детей топить котят в речке.

«Компьютерные игры испортили детей», – пишет журналист районной газеты – и на следующий день идёт пасти скотину и бьёт кнутом коров. Это он не считает чем-то осудительным.

Здесь общественность поднимает скандал, если в газете выходит фото девушки в купальнике, но никто не обращает внимания на алкоголика, испражняющегося на улице.

Тут принято приукрашивать действительность. Здесь не принято озвучивать **факты** – тут говорят много и красиво. Умеющие врать красиво считаются оптимистами и пламенными трибунами, а те, кто озвучивает неприятные факты – сплетниками и негодяями.

Поэтому даже милиционеры не пишут «пьяный», а пишут: «гражданин, приводивший себя в состояние алкогольного опьянения путём употребления спиртных напитков внутрь».

Тут нельзя говорить, что женщина беременна – это считается постыдным понятием. Надо говорить: «носит плод любви» или «женщина в интересном положении».

ТАШ АСТЫ – СЕРДЦЕ БАТАТЫСТАНА

Показать своё достоинство здесь считается грехом, а вот подхалимаж – пожалуйста, милое дело. Воровать у конкретного человека – нельзя, но если не попался, то можно. А если уж воровать у народа – это вообще доблесть.

Почти во всём Бататыстане то же самое. А описываемые события происходят в посёлке Таш Асты – одном из рядовых райцентров республики. Это обычный райцентр – таких очень много.

Но ташастынцы считали себя особенными. Впрочем, жители других районов думали так же о своём. Поэтому в Бататыстане при встрече всегда задавали вопрос:

– Ты с какого района?

И это решало всё. Если «наш» – то хорошо. Не наш – ну и иди лесом, товарищ.

Жителей своего района здесь считают элитными, а остальных – отстоем. К жителям других регионов относились, как белые колонизаторы к африканцам. А вот к москвичам и иностранцам – как к инопланетянам: на них смотрели подчеркнуто уважительно. Фраза «У него связи в Москве!» звучала здесь как высшая похвала. Таких тут боялись.

В Бататыстане все были уверены, что любой американец или японец – это сверхчеловек. А как иначе, если его угораздило родиться **там**!

«Иностранцам» – например, тем же рабочим из соседней республики, строящим ферму по заказу Ябая, многое казалось диким. Они никогда не смогли бы до конца понять местных. Чтобы понять бататыстанцев, надо родиться здесь и вырасти здесь.

Николай многое повидал, поэтому ещё всё допускал в жизни. Но для остальных «иностранцев» странности встречались на каждом шагу. Например, однажды рабочие стали свидетелями общения Ябая с главой района Ажаганом Ялагаевичем – и долго удивлялись: почему этот молодой начальник ведёт себя как раб с галеры? Скажет глава лечь и отдаться – и Ябай сделает это с превеликим удовольствием...

Конечно, они не понимали, **что им повезло** – они не знали штрихов из биографии Ажагана Ялагаевича. А биография главы была такой извилистой и скользкой, что если бы на Земле жила кобра с трёхсотлетним стажем, та бы плакала от зависти.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – БОЛЬШОЙ НАЧАЛЬНИК

Ажаган Ялагаевич был из «потомственных» начальников. Отец – на партийной работе, дед тоже всегда занимал большие должности. Управленческие замашки проявились у мальчика с ранних лет, чем он несказанно обрадовал родителей.

Маленький Ажаган во дворе не шёл играть с детьми. Сначала наблюдал за ними. Потом позвал одного из них к себе. Когда тот подошёл, Ажаган величественно сказал:

– Вы играете?

– Да.

– А они тоже играют?

– Да, конечно!

– Позови их сюда!

Родители обрадовались – сын растёт настоящим начальником!

В школе Ажагана не любили за надменный характер. Его постоянно дразнили, обижали. Он жаловался родителям, и те принимали такие меры, что директор школы легла в больницу – стало плохо с сердцем. Потом меры приняли против родителей одноклассников. Бить его перестали, но и в свой круг ребята его так и не приняли.

Ажаган вырос озлобленным.

«Я ещё покажу вам!» – думал он всегда.

По совету отца он поступил в аграрный институт. Стараниями родителя ему «нарисовали» красивую биографию: два года агроном в элитном колхозе, потом главный агроном, а оттуда – разные должности в администрации.

Ажаган скитался по разным постам в районе. Влияния отца не хватало, чтобы занять желанную должность – стать председателем колхоза. Это стало главной целью его жизни.

В личной жизни ему не везло. Девушки с ним не хотели дружить. Стоило ему показать свою надменность и властность – они исчезали. Но однажды Ажаган влюбился по уши. Настолько сильно, что его надменный характер исчезал в отношениях с этой девушкой. А девушка тоже влюбилась.

Родители были не против брака – она оказалась дочерью известного врача. В день свадьбы звучало много красивых слов. Казалось, если хотя бы десятая часть из этих пожеланий сбудется, это будет самая счастливая семья на свете.

Ажаган угомил свой характер, не хотел обижать свою красавицу-жену. Да и она не была слабохарактерной. Вскоре родился ребёнок. Родители помогли им обрести собственное жильё.

Одно только его беспокоило – Ажагана не назначали на хорошую должность. Он мечтал жить богато, в огромном доме и хозяйничать. Нереализованная энергия выползала наружу в виде раздражения дома.

– Чего тебе не хватает? У нас же всё есть, – недоумевала его жена.

Она напрочь не понимала, почему её молодой супруг так хочет стать начальником. Работает ведь в администрации – чего ещё желать? Но Ажаган знал: при желании тесть мог бы походатайствовать перед «большими» – и его, возможно, назначили бы. Только не сошлось. Тесть зятя не любил, считал бездарем, терпел лишь ради дочери. Ажаган это понимал и срывался дома, злился на жену.

Удача пришла оттуда, откуда он не ждал.

Глава района устраивал праздник. Ажагана, вместе с другими мелкими начальниками, отправили на пасеку – готовить шашлык. Такие поручения он выполнял особенно усердно. Ему нравилась эта «неофицерская» работа – здесь можно было выделиться. Большинство от подобных заданий морщились, работали с неохотой. А Ажаган отдавался делу на все сто. Он надеялся, что руководство заметит его рвение.

К тому же, он себя не забывал. И в этот раз, когда никто не видел, украл и спрятал в укромном месте выпивку и закуски – импортные соленья, которые на свою зарплату не купишь. Никто не заметит – их всё равно слишком много. Пустым он никогда не возвращался. Четыре бутылки водки, запрятанные под лопухами, грели душу: как всё закончится – заберёт.

Он колот дрова, когда к нему подошёл помощник главы:

– Тебя зовёт глава района.

Ажаган похолодел. Первая мысль – неужели кто-то видел, как он прятал бутылки? Вторая – неужели сам глава знает о его существовании?

– Иди уже! – подтолкнул помощник.

Он побежал на другую сторону пасеки, зашёл в шалаш, где отдыхал глава района. Ожидал увидеть толпу гостей – но стулья были пусты. Его пригласили на личный разговор?

Глава задал пару дежурных вопросов, поинтересовался настроением. Конечно же – всё отлично! Не дай бог покажется, что он недоволен в день рождения главы. Кланяясь до земли, Ажаган поздравил его. Чванливому чиновнику это понравилось – он засмеялся от души.

– Умеешь, мальчик, умеешь... Ну как, нравится тебе твоя работа?

Ажаган понял – случай не случайный. Сейчас или никогда.

– Мне очень нравится работать под вашим началом. Я готов к более ответственной работе, вы можете на меня положиться.

– Да? А что бы ты хотел делать, мальчик?

– Я бы хотел руководить колхозом. Это моя мечта.

– Почему?

– Думаю, так я смогу принести вам больше пользы.

Глава смеялся до слёз.

– Ну, умеешь ты говорить, мальчик... Я могу назначить тебя. Но сам понимаешь – просто так такие должности не дают. Желающих много. Значит, будешь выполнять мои поручения.

– Я с удовольствием выполню любое поручение.

– Любое?

– Да, да, конечно...

Глава района озвучил своё требование. Оно показалось фантастическим: у главы, оказывается, была сестра, и он хотел выдать её замуж. А женихом должен был стать Ажаган.

– Так я же женат...

– Так разведись! У меня тоже второй брак. На то он и брак, чтобы быть браком. Ничего невозможного нет – было бы желание...

Глава начал расхваливать свою сестру. Оказывается, он и двухэтажный дом для неё построил, и красавица она, и умница. Бухгалтер по образованию – всё делает хорошо и умело.

– А знаешь, как председателю колхоза нужен хороший бухгалтер? Сколько уже председателей погорело на бухгалтерии? Так что я, в первую очередь, о тебе забочусь. Ну как?

– Я... я же её даже не видел ни разу, – выпалил Ажаган.

– Так ты можешь её увидеть. Она работает в этом колхозе. Мы, как раз, и находимся на территории того самого колхоза. Вот все эти люди, эти поля, пасеки, леса – всё будет твоим.

– Да?.. – Ажаган своим ушам не поверил.

– Да! И я буду гостить у тебя, и все эти люди будут готовить шашлык уже для тебя, и ты будешь сидеть в этом шалаше рядом со мной. Даже бухгалтер будет твоей, – рассмеялся глава района.

– Нет, я не об этом... Я это... Я, конечно, бывал в этом колхозе, но как-то с бухгалтером не пересекался...

– Как не пересекался? Она работает в правлении... Я, конечно, могу её пригласить. Но ты ведь хочешь править колхозом, да?

– Да, конечно, очень даже...

– Ну ладно, иди пока. Тебя пригласят. Но учти – не обижай её! Гулять-то можешь, мы все мужики, хе-хе... Но обижать – не смей! Если она пожалуется мне, учти, бля!

Ажаган пошёл жарить шашлык. Коллеги пытались разговорить его, но он ничего не выдал. В голове вертелись тысячи мыслей. Как? Кто? Почему именно он?

В конце концов не выдержал, отошёл в сторону, нашёл местного парня и как будто вскользь спросил, знает ли он ту самую бухгалтершу.

– Знаю, – глаза у парня широко раскрылись. – А тебе-то она зачем?

В этот момент Ажагана «срочно» позвали к главе, и он поспешил. Судя по реакции того самого парня, бухгалтерша, наверное, невиданная красавица – не зря же он так отреагировал... Видать, подумал: «Не туда тянешься». А вот Ажаган – дотянулся!

Он зашёл в шалаш. Глава попросил его сесть рядом с собой. В шалаше уже была какая-то пожилая женщина – видимо, повариха. Она торопливо накрывала на стол. Ажаган оглядывался, ждал: вот-вот зайдёт девушка. Какая она? Как выглядит? Блондинка? Брюнетка?

– Сестра! Положи жирный кусок мяса вот этому парню. А это как раз и есть тот самый парень, который положил на тебя глаз и хочет на тебе жениться! – сказал глава.

Ажаган обомлел.

Это и есть та самая сестра?!

Он чуть не выскочил и не убежал. Сказать, что она была некрасивой – значит не сказать ничего. Худая, с кривыми зубами, глазами, утонувшими в глубинах глазниц, как у обезьяны. Телосложение – мужское, ноги – узкие и кривые... И усы! О господи, даже кавказец позавидовал бы таким усам. Не хватало только бороды. Старая.

У этой женщины, как показалось Ажагану, был полный комплект недостатков. *Если бы у неё были ещё рога и копыта, – подумал он, – можно было бы считать её дьяволом. Всё остальное у неё уже есть...*

Он не мог вымолвить ни слова, а глава района вдруг с царским размахом объявил их мужем и женой. Прямо как падишах! Срочно позвали начальника ЗАГСа – оформлять брак. Прямо в шалаш! Тут же оказался и прокурор, и начальник РОВД.

Ажаган юлил, как крыса в западне, пытался ускользнуть, но глава района встал. Его глаза сверкали от ярости.

– Извини, она тебе не попугай в клетке. Сам дал добро, сам просил её пригласить. Обнадежил девушку, теперь хочешь опозорить, обесчестить и бросить?! Извини, но за родную сестру я и убить могу. Знаешь, как карают за поруганную невинность? Это самый большой грех. Я тебе жить не дам – это точно!

– Я же не... это... мы не... – лепетал Ажаган и украдкой глянул на девушку. Та стояла, опустив голову.

Начальник ЗАГСa начал давить:

– Вот молодёжь пошла... Как ты можешь отказываться? Нельзя так с девушкой!

Тем временем глава наливал Ажагану большую порцию водки, прошептал:

– Всё это будет твоим. И тебе больше не придётся красть водку, – он подмигнул и выпил до дна.

– А откажешься – посадим за воровство, – снова подмигнул.

Начальник РОВД кашлянул в кулак и холодно бросил:

– Четыре года. На условное не рассчитывай. Сам в наручниках увезу. Отпечатки пальцев уже взяли.

Это был классический метод кнута и пряника. Ажаган не хотел уходить с праздника в наручниках – мало ли что ещё припишут... Прокурор, например, уже пообещал обвинение в попытке изнасилования.

Он не смог сказать «нет».

Позже глава лично отвёз «молодых» в их дом. Ажаган был ошеломлён – перед ним предстал настоящий коттедж. Огромный, с резьбой, стеклянной верандой и двухэтажной лестницей. *Если смотреть издали, – подумал он, – девушка выглядит даже ничего...* В таком доме она и правда терялась среди интерьера.

Глава намекнул: если Ажаган откажется от сестры, то его первой жене «доложат» всё – что «поматросил и бросил». Мосты будут сожжены. Развод – неизбежен.

– Так что, давай лучше сам, – подвёл итог глава.

Любовь к той, прежней, к этому времени уже прошла. Жажда власти осталась.

Ажаган развёлся, женился на сестре главы. На следующий день его назначили председателем колхоза. Так он стал **Ажаганом Ялагаевичем**.

Бывшего председателя – старичка, героя социалистического труда, чьими стараниями колхоз стал миллионером, – просто вышвырнули на улицу.

Глава района поймал двух зайцев одним выстрелом:

– избавился от «старой гвардии», чьи связи и авторитет мешали ему управлять по-своему;

– и, наконец, выдал замуж свою засидевшуюся сестру.

НЕДОБРЫЙ НАЧАЛЬНИК

Ажаган Ялагаевич упивался властью. Он знал: короля делает свита. Первым делом уволил бывших заместителей и набрал в команду лично преданных холуёв. Благо желающих было в избытке.

Больше всего на свете он любил проводить многочасовые совещания, где унижал и высмеивал подчинённых.

Колхоз был богатым, всё было отлажено – всё шло по инерции. Прежний председатель хозяйства сделал многое, но так и не смог победить одну беду: в деревне процветало мелкое воровство.

Ажаган Ялагаевич понимал – реальными достижениями блеснуть будет сложно. Значит, нужны громкие победы. Нужно, чтобы его хвалили... Но как? Он объявил, что при нём воров-

ства не будет. Люди усмехнулись: «Ага, как же. Воровали, воруют и будут воровать...» Особенно теперь, когда зарплату задерживают.

Ажаган Ялагаевич решил взяться за дело лично. Выезжал по ночам вместе с холуями и за малейшую кражу наказывал кулаком. Люди начали понимать: будешь воровать – получишь «лещей».

В кабинете он повесил два портрета: главы района и Сталина. Ажаган помнил с уроков истории – не Сталин лично расстреливал в деревнях, а люди сами друг друга сдавали. Вот эту систему он и решил внедрить. Если кто-то «стучал» на соседа, всё изъятное передавалось доносчику в качестве награды. Многим это понравилось: сам не ворует – и всё равно получаешь. Законно! А сосед с носом остаётся. А узнает ли он, кто сдал – это ещё вопрос...

В деревне, конечно, все всё понимали, но доносчики надеялись, что их никто не раскроет.

Что бы ни украл человек – сразу появлялись люди Ажагана Ялагаевича и изымали ворованное. Доносчиков поощряли, воров – били.

Вскоре весь район начал бояться Ажагана Ялагаевича.

– Вот, при нём люди перестали воровать! – хвалил его глава района и ставил в пример другим.

Однако дела в колхозе шли всё хуже. Это компенсировалось тем, что Ялагаевич не только «искоренил» воровство, но и перестал платить зарплату.

– Экономика должна быть экономной! – внушал он на совещаниях и часами объяснял, почему платить нельзя. – Деньги в руках населения подрывают стабильность! Поэтому и Союз развалили!

При этом сам Ажаган Ялагаевич любил воровать. Глава оказался прав: его сестра оказалась молчаливой, покорной женой, но с головой – всё было в порядке. Она помогала мужу надёжно прятать ворованное – так, что «дебет с кредитом» сходился до копейки. Ни одна проверка не могла ничего найти.

Был, правда, один минус: она была точной копией брата.

– Усы у тебя лучше, чем у него, – поддевал её Ажаган, наслаждаясь тем, что она терпит, глотая слёзы.

Но она терпела.

Во-первых, была старше мужа на семь лет. До замужества уже потеряла всякую надежду выйти замуж – а это в тех краях было мечтой каждой женщины. Она помнила, как ежедневно молилась, прося Всевышнего послать ей супруга.

Она всё видела: как легко Ажаган порвал свою прежнюю семью. И теперь боялась потерять его. Поэтому закрывала глаза на многое.

Он ей нравился. Она любила его.

Да, он дурной, но – *свой*. В обиду не даст. Когда пьяный – даже может поласкать... хоть иногда.

Она выстрадала это «счастье». И если прежняя жена его не удержала – сама виновата.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – ИСТИННЫЙ ХОЗЯИН

Но Ажагану она с каждым днём всё меньше нравилась. Избивать жену он боялся – глава района мог вмешаться. Поэтому издевался в основном морально.

Всю злость он срывал на населении. Ему ничего не стоило прямо во время совещания дать пощёчину подчинённому. Обычно бывало так: Ажаган заходил в кабинет – бледный, измученный... Потом следовал трёхэтажный поток брани, унижения. После этого – пара тумачков. Все сидели в тишине и печали, а он буквально на глазах преображался: становился довольным, румяным, улыбающимся. И провожал всех словами:

– Ну ничего, ребяташки, во время работы всякое бывает. Не обижайтесь!

Он собрал вокруг себя таких холуёв, что те ещё и благодарили его «за урок». На праздниках поднимали за него тосты:

– Ажаган Ялагаевич – настоящий начальник! А начальство лучше знает, что нам надо! Он же за нас старается! Ругать и критиковать – дело начальства! Давайте выпьем за это!

Одних подчинённых ему стало мало – он переключился и на обычных жителей.

Несогласных председатель мог избить прямо на улице, не стесняясь:

– Кулаками и добрым словом можно добиться большего, чем просто добрым словом, – усмехался он, перефразируя услышанное когда-то выражение.

Ажаган был уверен: никто не пожалуется, никто не осмелится – в деревне шёпотом говорили:

– Он человек главы...

Однажды Ажаган Ялагаевич избил ветерана войны. Его сын отказался работать в колхозе бесплатно и устроился к газовикам. Председатель понимал – стоит дать слабину одному, и все пойдут по его стопам.

Увидев старика на улице, Ажаган вышел из машины и начал угрожать. Разговор не задался – ветеран отказался уговаривать сына возвращаться. Тогда председатель не выдержал – избил его прямо на улице и уехал.

Ажаган был уверен – ветеран «образумится».

Но старик сильно обиделся. Дома бушевал:

– Как так? Я воевал за свободную Родину, а какой-то молокосос избивает меня!

Вскоре до Ажагана донесли: ветеран *рэнжегэн* – обижен – и требует извинений. Говорит, если тот не покается, будет отвечать за это на том свете...

Когда жена рассказала об этом Ажагану, он смеялся до слёз:

– Дожили! Значит, тот свет точно существует, если красный коммунист вдруг поверил в ад!

Жена промолчала. Ей было по-настоящему жаль старика.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – ПОВЕЛИТЕЛЬ СТРАХА

Когда ветеран понял, что никто не собирается извиняться, он написал об инциденте в районный совет ветеранов. Те, в свою очередь, сообщили о случившемся в республиканский центр. Однажды в деревню приехала делегация из столицы: журналисты и представители общественных организаций.

Ажаган Ялагаевич всё отрицал. Сваливал на возраст ветерана – мол, старик путается в воспоминаниях.

– Может, какой-то проходимец и избил его... Тут всякие ездят, надо бы, кстати, перекрыть въезд-выезд... Да-да, я помогу, покажу врачам. Конечно, конечно... только времени нет.

Журналисты и члены делегации и сами, похоже, не верили, что председатель мог среди бела дня избить ветерана войны.

Тем временем, пока делегация была у председателя, холуи уже обработали жену ветерана: принесли два мешка пшеницы и попросили держать рот на замке. Поэтому, когда журналисты подошли к старику, жена прошипела:

– Надо жить в мире и согласии с односельчанами!

Ветеран – старый разведчик, в прошлом герой, бесстрашно ходивший в тыл врага, молчал. Немцы – да, они были страшные. Они убивали на поле боя. Но злоба родной жены и месть председателя казались ещё страшнее. Немцы могли убить. Эти – устроят ад на земле. Будешь ни жив, ни мёртв.

Так и заключили «мир»: ветеран забывает об избиении, а его сыну разрешают не работать в колхозе.

Избивать бесконтрольно Ажаган перестал только после смерти человека.

Однажды он поймал заведующего фермой на том, что тот закрывал глаза на воровство доярок. Несколько ударов, и когда тот уже лежал на бетонном полу, председатель сильно пнул его в живот. Мужчине стало плохо. Врачи приехали быстро.

Председатель выдал версию: мол, заведующего забодал бык. Попросил и того самого говорить то же самое. Пострадавший сначала согласился. Но оказалось, что у него повреждена кишка, началось заражение. Перед смертью он всё же рассказал врачам правду.

Милицию вызвали. Однако стараниями главы района дело закрыли – ему пришлось, правда, подарить начальнику милиции новый автомобиль.

После этого случая Ажаган бил людей уже осторожнее – старался не оставлять следов.

Но беда не приходит одна.

О случившемся узнал районный оппозиционер – Бяшмяк Гумбин. Он начал строчить жалобы. Следствие вновь возобновили. Ажагану пришлось изрядно попотеть и раскошелиться, прежде чем дело окончательно замяли.

Он ходил расстроенный... Пока не понял: народ, оказывается, **уважает хозяина с крепкой рукой**.

Слухи вроде «*А вы знаете, Ялагаевич убил человека!*» только укрепляли его авторитет. Чиновники наверху, похоже, и вовсе были довольны.

В Ташастинском районе начали говорить шёпотом:

– Глава может убить. Запросто...

Возможность закрепить этот имидж снова представилась случайно.

В молодости глава района увлекался борьбой и при случае любил похвастаться удачей. Во время одного из застолий участковый одной из деревень похвалился своими спортивными успехами. Чиновники начали подначивать – мол, кто сильнее: глава или участковый?

Участковый был молодой, не знал правил деревенской власти. Он и правда начал бороться. А надо было – просто сдаться...

Глава, понимая, что может проиграть, резко сделал подножку и швырнул оппонента на бетонный пол. Участковый посинел на глазах... и умер на месте.

Все сделали вид, что это был просто несчастный случай.

«Он сам упал».

Но умер-то милиционер – а замять такое дело было уже невозможно.

Один из присутствующих на той пьянке – обычный парень, деревенский электрик, приглашённый обслуживать мероприятие – взял вину на себя. В обмен на деньги и обещание: потом «устроим тебя на хорошую должность».

Парень отсидел несколько лет за убийство по неосторожности. А когда вернулся – его действительно назначили директором подстанции.

Ажаган Ялагаевич знал: кто наверх поднимается – должен быть связан не только деньгами, но и более крепкими узами.

Сказать, что всем нравилась его «твёрдая рука», было бы неправдой. Недовольные были.

Однажды Ажаган Ялагаевич изнасиловал бухгалтера прямо в конторе. Мужа у неё не было. Её сын-подросток решил отомстить и хотел сжечь дом председателя. Поджечь он не успел – на своё несчастье, рассказал о планах другу. Мальчика схватили, издевались, окунули головой в сельский туалет и сняли это на видео.

После этого женщина с сыном сбежала подальше от Бататыстана.

УСПЕШНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Не имея реальной возможности поднять показатели колхоза, Ажаган тем не менее сумел сделать себя успешным руководителем – на бумаге.

– Чего жалеть бумагу? Пишите больше! – приказывал он.

Надои росли, урожайность взлетела, поголовье удвоилось. Хозяйство ставили в пример, а подчинённые ежедневно восхваляли его за небывалые достижения.

Эти хвалебные речи всё больше убеждали Ажагана Ялагаевича в собственной исключительности. Он жаждал ещё большей славы и власти. Начал приглашать к себе писателей, поэтов, артистов. Те пировали за его столами, получали подарки – и начали писать хвалебные стихи, очерки, статьи о том, как «простой парень от сохи» поднял нищий колхоз с колен.

Организовывали концерты, выходили сюжеты на телевидении. Имя молодого председателя гремело в республиканском центре.

Главе района тоже были нужны такие показатели – он охотно поощрял подопечного.

Тем временем Ялагаевич придумал, как удивить всю республику. Его хозяйство находилось на границе с соседней республикой. Он предложил главе аферы:

– Продадим целую ферму коров председателю соседнего колхоза. На вырученные деньги купим у него зерно и сдадим как своё. Немного приписать – и всё. Отчитаемся: сто центнеров с гектара. Это будет рекорд по всему Бататыстану!

Глава района усомнился:

– А как ты это докажешь?

– Очень просто. Я приглашу поэтов, писателей, журналистов, артистов. Они всё расскажут.

– А журналисты как поймут, что ты собрал сто центнеров?

– Вот именно. Что они поймут?

– Но ведь приедут и специалисты из других колхозов...

– Вы знаете анекдот «И ты говори»? Вот я скажу первым. Пусть потом они что угодно говорят. Главное – *сказануть первым*.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – ПОЭТ И АГРАРИЙ

Афера удалась.

Жуликоватый пожилой журналист, получив в подарок целую тушу барана, первым начал трубить о небывалом урожае в колхозе Ажагана Ялагаевича. А дальше всё пошло-поехало.

Телевидение не вылезало с полей хозяйства, демонстрируя «гигантский урожай». Затем подтянулись писатели. Поэты сочиняли стихи про поля Ажагана Ялагаевича, где пшеница якобы давала по сто центнеров с гектара – казалось, зерна там крупнее, чем клубни картофеля.

Профессиональные агрономы в один голос утверждали: *такого не бывает и быть не может*. Но удивительно – журналисты не давали им даже рта раскрыть. Ни по телевизору, ни в республиканских газетах.

Министру сельского хозяйства афера тоже пришлась по душе.

Вот такие аграрии в Бататыстане! Даже соседние Татарстан и Башкортостан не могут похвастаться таким урожаем – а они могут!

Обычная республика – и всех «поставила раком».

Поэты слагали оды в честь Ажагана Ялагаевича, писатели колесили по полям, щёлкали языками, журналисты восхищённо хвалили «умелого» председателя.

Со временем Ажаган – как Ходжа Насреддин – сам начал верить в собственную сказку. Выступал на семинарах, учил других, *как надо выращивать хлеб*. Говорил очевидные глупости, но никто не перечил: слух пошёл, что он «человек министра».

Общение с артистами вдохновило Ажагана на новую цель – стать знаменитым *на весь мир*, как они.

Он начал спаивать поэтов, композиторов и выкупать у них авторские права на стихи и музыку.

Теперь он был *поэтом-композитором*.

В глубине души он верил, что *действительно* пишет всё сам.

Обычно всё происходило просто. Он смотрел на небо, писал в блокнот две строки. Потом приглашал известного поэта:

– Вот, смотри, какое стихотворение сочинил. Приведи в нормальный вид, а?

Поэт удивлялся:

– Но... здесь же ничего нет.

– Как это – ничего? Вот же: «*Белые облака – как на сердце рана*». Чем не стих?

– Ну вы даёте, Ажаган Ялагаевич... Здесь же ни ритма, ни смысла...

– Вот поэтому и позвал! Налить ещё? Вдруг муза появится?

Поэт уходил в угол, писал полноценное стихотворение. Ажаган читал:

– Ну вот же! Именно это я и хотел написать!

«*Не смешите, Ажаган Ялагаевич... Здесь же нет ни одного вашего слова...*» – хотел сказать поэт, но прикусил язык. Лакеи уже отнесли в багажник ящик водки и тушу барана. А поэт очень любил и баранину, и спиртное...

Однажды он пригласил на кладбище пожилого, безвольного певца бататской эстрады. Показал могилу деда.

Могила как могила, – подумал певец. Но подарки он уже получил.

Через неделю он прислал стихотворение, написанное своим знакомым поэтом: «*Спасибо тебе, дедушка, за всё*».

Позже в интервью он трогательно рассказывал:

– Эти слова прошептали губы Ажагана Ялагаевича... И вдохновили меня на песню...

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – АВТОР-ИСПОЛНИТЕЛЬ И СПОНСОР

С композиторами было куда проще.

Ажаган что-то мычал в диктофон, напевая под нос. Потом вызывал какого-нибудь жадного и бесхребетного композитора.

– Вот, песню сочинил. Надо бы на ноты перенести...

– Здесь нет новых мотивов. Вы просто напеваете известную мелодию под другие слова...

– Как нет? Я же сам распевал только что!

– Но это же не музыка...

– Вот поэтому я тебя и позвал – чтобы помог!

– Здесь не помочь. Здесь нет мотива...

И вдруг на столе появлялся пакет с деньгами.

– Так это... Как?

– Ты поможешь с музыкой – а я тебе деньгами.

Композитор любил деньги больше, чем свою музыку. Через неделю он пришёл с готовой песней, сыграл, спел. Ажаган хлопал в ладоши.

– Вот именно такую музыку я тебе и распевал! Отличная песня!

Композитору было смешно. Тогда он только усмехнулся, не понимая, что продаёт себя. А на старости лет, выпивая горькую с друзьями, будет шептать:

– Знаешь песню про облака, которую поют все? Так вот – это я её написал...

– Да ты что? Я думал, автор совсем другой!

– Я её и сочинил. Тогда деньги нужны были... Хотел девушке шубу подарить. Пришлось продать.

Став автором песен, Ажаган Ялагаевич превратился в своеобразного продюсера. Он начал приглашать певичек – молодых, амбициозных, голосистых. Но был один нюанс: концерты всегда заканчивались обязательной ночёвкой с хозяином.

В те времена, чтобы стать известной артисткой, хватало денег. Выходишь на сцену – и ты уже звезда. Поэтому в среде бататской эстрады быстро прошёл слух о щедром спонсоре, и певички выстроились в очередь.

В их репертуарах появились песни про Ажагана Ялагаевича, про его поля, про «небывалую пшеницу». В клипах – он сам, его родители, его кабинет.

Супруга с тревогой наблюдала за новым увлечением мужа. Она не знала, как его остановить. Попробовала втайне пожаловаться брату – но Ажаган предвидел и это. Он заранее подложил певичек и под самого главу – тот был теперь не против такого увлечения зятя.

Супруге Ажагана оставалось только терпеть. Иногда, когда он бывал в неагрессивном настроении, она мягко пыталась вернуть его в реальность.

– Дебет с кредитом не сходится... Надо что-то придумать. Я не могу свести концы с концами. Денег в кассе нет.

– Ну ладно, сегодня нет – завтра будут!

– Откуда? Ведь ничего не осталось...

На следующий день Ажаган принёс целый мешок денег. У жены глаза стали квадратными.

– Откуда это?!

– Народ у нас богатый и щедрый! – рассмеялся он.

Это были деньги, предназначенные для выплаты пенсий. В стране был хаос. Финансирование шло через администрацию. А Ажаган договорился, что *сам* займётся выплатами.

Пенсионерские деньги дали возможность прожить ещё один месяц. Большую часть из них получили две певички – «начинающие и очень перспективные звёзды эстрады».

Через месяц пенсионеры подняли скандал – пенсий так и не дождались. Оппозиционер Бяшмяк помог им написать жалобу в прокуратуру. Председателю пригрозили. Просили вернуть деньги.

Ажаган приказал отправить на убой целую ферму.

– Так у нас и коров не останется же, ни одной! – возмутилась заведующая фермой.

– Как?

– Вот так. Всё. Больше коров не будет, – сказала она и отступила на шаг, чтобы, в случае чего, не попасть под удар. Она хорошо помнила, чем закончилась жизнь её предшественника.

Но Ажаган не разозлился. Он был удручён. Обошёл фермы, пересчитал всё – и понял: коровы ушли на песни, стихотворения, праздники и веселья... Техника – старая рухлядь. Новую брали в лизинг, её не продашь. Склад пуст – зерна нет.

Он срочно собрал заседание всего руководства.

– Надо что-то делать.

– Сделать уже что-то поздно.

– Всегда можно что-то делать! – сказал он с оптимизмом и приказал продать пустующие фермы – на металлолом, на кирпичи...

В деревне негодовали, но молча. Певички, писатели, поэты по-прежнему приезжали. Все видели, как грабится хозяйство, но продолжали хвалить председателя.

«Голова у него круглая, он что-нибудь придумает», – говорили они.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – КАПИТАН ПЛАВУЧЕЙ БАНИ

И он придумал.

Ажаган Ялагаевич распорядился построить **плавучую баню**.

В деревне был большой мелиоративный пруд. Территорию пруда отгородили, приватизировали как частную. Привезли старый понтон, поставили на него деревянный сруб. Установили мотор от катера. Получилась плавучая баня. Даже капитан был – «настоящий».

Ажаган приказал, чтобы начальник бани был одет как капитан корабля. В театре заказали форму, на барахолке купили боевые ордена. Капитан и холуи-моряки встречали гостей рапортом:

– Товарищ председатель колхоза! Экипаж плавучей бани имени Ажагана Ялагаевича построен! Баня готова для приёма гостей! Командир плавучей бани, капитан первого ранга Корсаков!

Ажаган и гости смеялись до слёз.

Пока они парились, баня плыла по пруду. Гости выходили на палубу, ныряли. На берегу стояли шалаши. Капитан выполнял команды:

– К водочному шалашу!

– К шашлычному шалашу!

– К русалкам!

Ошарашенных гостей в последнем шалаше встречал дуэт певичек, умеющих ублажать мужчин не только песнями.

Ажаган сам был в шоке – расходы на стройку и содержание бани окупились втрое за первый месяц. Замминистра, попарившись в бане-лодке, без лишних разговоров пообещал выбить кредит через подведомственный банк.

Слухи о «бане-корабле» дошли даже до Татарстана. Оттуда приезжали высокие гости – париться.

Как говорят в Татарстане: *золото портит даже ангела*, а Ажаган был далеко не ангелом.

Ему захотелось увеличить доход от бани. Втайне он установил в парной скрытую камеру и начал снимать «развлечения» своих гостей. Новая забава – приглашать артистов и потом с холуями смотреть «домашнее кино» с участием чиновников и звёзд.

Гости у него бывали видные: певцы, актёры, министры, и даже... имам района. На одном из записей он – в подпитии, в компании с женщиной, начальницей отдела районной администрации.

Ажагану стало жалко тратить деньги на композиторов. Первым под удар попал именно один из них – тот, кто раньше писал ему музыку. Композитор согласился отдать две песни бесплатно, лишь бы получить обратно плёнку, где он был в главной роли, а начальница финансового отдела – во второстепенной.

После этого композитор исчез. Ушёл в запой. Вернулся к жизни только через несколько лет – и уже ничего не умел, ничего не мог.

Ажаган понял: деньги можно зарабатывать гораздо быстрее – практически ничего не делая.

Он встал на скользкий путь шантажа.

Но долго такая игра не могла продолжаться.

Конец его «бизнесу» пришёл внезапно – когда один из холуев украл кассеты с участием народного любимца, певца бататской эстрады Дунгыза Сускина. Кассеты начали копировать и продавать на рынке. У всех были видеоманитфоны. Люди ахнули.

– Сам какие песни поёт про любовь, а ты видела, как он директрису из первой школы...

– А ты смотрела вторую часть? Там он потом и её дочку...

– Так она же тоже в той школе работает! Детей учит!

– А слышала, что директриса сказала на седьмой минуте? «Как в прошлый раз»! Значит, уже бывала там!

– Вах, вах, вах...

После этих кассет в районном центре начались бурные перемены. Половина чиновников развелась. Добрая часть женщин, работавших в администрации, оказались в списке «разведёнок». Их мужья узнали, на какие именно «проверки» они ездили в колхоз Ажагана Ялагаевича.

Скандал был оглушительный.

Глава района был в бешенстве. Половина сотрудниц уволилась. Он клялся лично кастрировать своего зятя, но события опередили его.

Кассеты дошли до республиканского центра.

В деревню приехал сам Дунгыз Сускин с людьми. Они сильно избили Ажагана. Потом всей толпой поехали к бане. Заставили показать, где установлена камера. Сломали её об голову Ажагана. Вытащили все кассеты, поломали – тоже об его голову, потом сожгли.

Не ограничившись этим, они подожгли и саму баню-лодку.

– Если эти кассеты ещё раз где-то всплывут – утоплю тебя в этом пруду, – пообещал Сускин.

«Надо же, как красиво поёт, а ведёт себя как бандит...» – подумал Ажаган, лежа на берегу с разбитым лицом, когда на него, по очереди, справляли нужду артисты Сускина.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – РАЗРУШИТЕЛЬ СИСТЕМЫ

Ажаган понял – ему нужна серьёзная защита. Не просто административная, а настоящая крыша. Бандит, который мог бы решать такие вопросы.

Глава района тоже был не прочь хорошенько побить своего нашкодившего протеже, но заступилась сестра. Она умоляла брата:

Он своё уже получил... Ему нужно лечение...

Чтобы замять скандал, глава перевёл зятя в другое хозяйство. Жители той деревни показали себя «непатриотами» во время выборов – вот им и наказание. Заодно и Ажаган пристроен.

Хозяйство было не крепкое. Ажагану понадобился ровно год, чтобы его окончательно развалить.

Чтобы замести следы, главе пришлось перевести его в третье хозяйство. Так Ажаган стал своеобразным тараном: если надо было развалить – назначали его.

Зато на республиканские сельхозвыставки, на Дни урожая – его приглашали непременно. Везде он числился «опытным хозяйственником». Собрал гору грамот и дипломов. Вел себя осторожнее, урок банного скандала помнил.

В районе даже появился анекдот:

– Хочешь попасть на День урожая в Большом городе? Развали два колхоза.

– А хочешь получить диплом от главы Бататыстана? Развали три!

Потом его поставили на райпо. Там он не продержался и года – снова вызвал глава.

– Хочешь стать директором педучилища?

– Конечно хочу! – сказал Ажаган.

Он уже знал – задача проста: **развалить педучилище**. Коллектив там был неподконтрольный, на собраниях осмеливались высказывать личное мнение. А директор и вовсе отказалась «поставлять студенток» для нужд «гостей района».

Ажаган, не умеющий связать двух слов по-русски, вызвал хохот у студентов уже в день 1 сентября.

– Мне стыдно за вами! – кричал он с пеной у рта.

Он построил «новую систему» приёма. Взятки за поступление и экзамены шли прямым ходом в его карман. Уважаемых преподавателей увольняли. На их место ставили лояльных.

Студенты вместо учёбы начали строить коттеджи. Продавали их – деньги уходили «куда надо».

– Мы воспитываем студентов трудом! – говорил директор.

Но Ажаган смотрел на учебное заведение как на личный бордель.

Студентки, которых раньше отчисляли за неуспеваемость, вдруг стали отличницами. Учебное заведение катилось в бездну. Уважающие себя люди перестали отдавать туда детей.

Жалобы летели в министерство образования. Но министру было не до того. Он был человек творческий. Думал только о том, как внедрить Сингапурскую методику.

О мелочах он не думал. Он был человеком высокого полёта.

АЖАГАН ЯЛАГАЕВИЧ – СТАЛ ГЛАВОЙ

Чем бы закончился педагогический опыт Ажагана – неизвестно, но в районе произошли перемены. Главу, за выдающиеся заслуги, перевели в центр – в Большой город. Глава региона решил поиграть в «монополию» и объединил все элеваторы Бататыстана. Руководить ими назначили главу Ташастинского района. Он был не против – давно мечтал перебраться в столицу и стать «большим начальником».

Вопрос о преемнике решился быстро.

– Кого, как не его?

Так Ажаган Ялагаевич стал **главой района**.

Это был самый счастливый день в его жизни. Он **наконец добился своего!**

Возражал только один человек – оппозиционер Бяшмяк Гумбин, избранный в райсовет при поддержке коммунистической партии.

«Надо его уничтожить», – подумал Ажаган в день назначения.

В первые дни своего правления новоиспечённый глава вёл себя как настоящий пахан.

Он объявил, что лично проведёт проверку всех колхозов.

Председателям передали:

Хочешь сохранить должность – миллион наличными и двух девственниц главе на ночь.

Чтобы показать серьёзность намерений, Ажаган Ялагаевич устроил показательную расправу.

Против председателя колхоза «Маяк», отказавшегося «предоставлять девушек», завели уголовное дело – обвинили в хищении. После этого вопросы у остальных отпали. Каждый председатель справился с заданием.

Но только с колхозом «Коммунизм» вышла проблема.

Его председатель **очень любил свою должность**, но вот с девушками вышло сложно. В отчаянии он решил использовать школьниц из неблагополучных семей. Пригласил двух таких под видом «гуманитарной помощи», подмешал в чай снотворное и «подложил» их главе.

Расчёт был прост: даже если будет скандал – можно запугать.

«Что могут сделать эти мамашки, одиночки? Кто им поверит?» – думал он.

Но он **ошибся**.

У одной из девушек оказались сводные братья – группировщики.

Как только они узнали о случившемся, приехали в один прекрасный вечер к председателю колхоза и протянули ему верёвку.

– Или ты сам повесишься к утру, или завтра убьём твоего сына. Решай сам.

Наутро председатель повесился. Он оставил предсмертную записку, в которой во всём чистосердечно признался. Конечно, записку уничтожили, но Ажагану вновь пришлось раскопелиться.

Он снова убедился – нужна настоящая крыша. И нужны не просто холуи, а такие, кто способен вытаскивать не только каштаны, но и золото из огня. У него была команда, но это были люди без костяка. Стоило появиться кому-то сильнее – они бы сразу переметнулись.

Ему нужна была своя, лично преданная команда. Желательно молодые – чтобы он сам их вытащил из грязи, сделал людьми. Тогда и будут верны до конца. И хорошо бы, если они не только команды исполняли, но и умели что-то решать.

Так он и познакомился с Ябаем, обычным инструктором в администрации. Молодой человек стремительно рос по карьерной лестнице – к зависти коллег и к своей радости.

И вот теперь Ажаган Ялагаевич наблюдал за ним:

выйдет ли Ябай сухим из воды?

БЯШМЯК ГУМБИН – ПОСЛЕДНИЙ ИДЕАЛИСТ

Бяшмяк Гумбин сидел на диване и с утра потягивал пиво. Себя он считал абсолютно свободным человеком и гордился этим. Бяшмяк знал единственного достойного кандидата на должность главы Бататыстана. Это он – Бяшмяк Гумбин. У него всё в порядке: умный, молодой, красивый, достойный. И, главное, справедливый.

К тому же он в 90-е годы принимал самое деятельное участие в «параде суверенитетов». Благодаря таким, как он, Бататыстан стал суверенным. А сейчас – его забыли. Бывшая номенклатура прихватила всё, а он сам должен был добывать средства на существование.

Он повидал многое. Были энтузиасты, которые верили в идеи суверенитета. Были и те, кто использовал эту борьбу ради карьеры. Им пообещали посты – и они забыли о независимости. Возглавили банки, предприятия, министерства. А были и откровенные подлецы – они якобы были за суверенитет, а на деле шпионили и разрушали движение изнутри.

С годами Бяшмяк много думал. Почему у них ничего не получилось? Ведь тогда, на центральной площади в Большом городе, собирались десятки тысяч людей, требовавших свободы...

И вот, только теперь он понял – дело было в них самих. У них не хватало решимости. Власть нельзя подарить. Её нельзя получить в наследство.

Власть берут.

Тот, кто не может взять власть, – остаётся в сторонке.

Никто из них не хотел по-настоящему взять на себя ответственность. Все мечтали быть «главными», но не делали ничего, чтобы стать ими.

– Надо было ворваться в парламент! Разогнать всех этих депутатишек! Взять власть самим! – думал Бяшмяк.

Но решимости не хватило. Они думали, что митинги, голодовки, акции протеста приведут к власти. Но народ устал. Со временем на площадях остались лишь верные идеи. Но что могли сделать эти остатки?

Его соратники теперь живут в столице. А он – в Таш Асты.

Но он знал: придёт время – он займёт своё место. Станет главой. Доберётся до самого верха. Вот тогда он устроит всем казнокрадам. Особенно – Ажагану Ялагаевичу.

Тот перешёл все границы. Он не просто казнокрад. Он – убийца.

По подсчётам Бяшмяка, минимум трое человек погибли по вине Ажагана. Ну, один – точно.

Впрочем, если бы его кандидатуру рассматривал самый справедливый суд, то вряд ли утвердил бы главой района. Пламенные речи толкать он умел, а вот работать – нет. Решительности у него не было. Если бы была – он бы тогда, в девяностые, на что-нибудь решился.

Бяшмяк думал, что чтобы быть руководителем, достаточно быть справедливым. Но как можно управлять таким районом, не имея ни капли решимости?

А в Бататыстане на высокие должности назначали людей, за которыми тянулся шлейф разваленных хозяйств. И на этом фоне Бяшмяк казался бы образцом достоинства – про него можно было бы написать «повесть о настоящем человеке».

Бяшмяк презирал жителей района за их трусость и удивлялся отсутствию у них чувства собственного достоинства. Сам он, по сравнению с ними, был человеком достаточно смелым и не понимал, чего боятся остальные. Ну ладно, боятся учителя – они могут потерять работу. Но старики? Пенсионеры? Им-то чего бояться?

Он вёл «культурно-просветительскую» работу в районе, чем сильно раздражал власть имущих. Хотя Бяшмяк и презирал жителей за их страх, он продолжал принимать их жалобы и писал письма в разные инстанции, защищая людей от произвола. Благо, инстанций в этой стране было предостаточно.

Бяшмяк действовал по своему принципу: *чем больше пишешь, тем лучше для тебя и хуже для властей*. Им ведь приходится хотя бы писать отписки, а для этого нужны грамотные исполнители – а таких обычно не держат. Среди десяти отписок обязательно найдётся одна, за которую можно зацепиться.

К тому же глава вынужден тратить средства, чтобы притормозить следствие, прекратить проверку. Надо помнить: у Кремля много башен. Где-то наверху обязательно есть те, кто **недолюбливает Ажагана Ялагаевича**.

Через какое-то время Бяшмяк стал настоящей занозой в теле главы. Ажаган Ялагаевич взялся за него всерьёз. Выгнал с работы не только родственников, но и друзей, и знакомых. Дошло до того, что люди стали переходить на другую сторону улицы, лишь бы не поздороваться с Бяшмяком.

Но оппозиционер не отступал.

Глава попытался подкупить его – решить вопрос деньгами. Но цена у Бяшмяка оказалась высокая: он хотел стать не менее чем заместителем главы района.

– Мне надо контролировать процессы в районе! Финансы, остальное...

Финансы и остальное глава предпочитал контролировать сам. Поэтому такой вариант был неприемлем.

Он потребовал от подчинённых найти уязвимые места Бяшмяка. Ему разбили окно, попытались избить, но тот отбивался от бандитов. В садике, куда ходили его внуки, начали придирааться. А в окраине, где он жил, люди держали коров – и даже местному пастуху дали задание регулярно **избивать корову Бяшмяка**.

– Земля под ним должна гореть! – орал глава подчинённым.

Земля под ним горела, но за каждый наезд Бяшмяк Гумбин давал ответ. Он тоже искал слабые места своих противников и бил точно в цель.

Узнав, что глава построил коттеджи в лесной зоне, он тут же накатал жалобу «зелёным». Прокуратура отписалась дежурно, но «зелёных» так просто не остановить.

Глава оформил агрофирму на имя жены и построил фермы прямо посреди деревни – так было удобно. А фермера, построившего небольшую ферму за сто метров от села, наказали. Бяшмяк писал жалобы снова и снова – безрезультатно. Но однажды он сфотографировал скотину, стоявшую в грязи, и выложил фото в Интернет.

И тут началось! Возмущалась вся страна. Требовали наказать директора агрофирмы за жестокое обращение с животными. В итоге – **наказали**. Впервые за долгое время кто-то из приближённых к главе понёс ответственность.

– У нас люди ценятся меньше, чем скотина. Поэтому защищать надо не людей, а животных и овощей, – сказал Бяшмяк жене с горьким сарказмом.

Та только махнула рукой:

– Ты, старый осёл, чего вообще добился в жизни? Всё жалуешься да жалуешься... А вот деньги нужны на воду – ты об этом подумал?

Бяшмяк думал об этом постоянно. Но денег не было. Единственный источник – гонорары за тексты в газетах, да скромные «поощрения» от людей, которым он помогал составлять жалобы.

И те редко говорили спасибо. Даже фермер, которого он спас от штрафа, не поблагодарил. Такое было постоянно – его помощь воспринимали как долг.

– Вы же всем помогаете, вот и мне помогите.

– Вы же за правду боретесь – вот и помогите, – говорили люди, жалуясь на нехватку денег, но гуляя на свадьбах за сотни тысяч.

Бяшмяк спорил с ними:

– Сами даже бумагу написать боитесь, а хотите, чтобы я всё за вас разгребал.

– Ну вы же не боитесь, а мы боимся. Мы – простые люди...

Единственное, что его грело, – прозвище. Его стали называть *Правдоруб*. Самые смелые даже благодарили и просили:

– Вы уж там не сдавайтесь... Мы вас уважаем...

– Нам уже третий месяц не платят зарплату по указке главы. Только вы сможете нам помочь. Выясните что-нибудь, – жаловалась продавщица райпо, если в магазине никого не было.

– Сделаем! – кивал Бяшмяк и строчил жалобы.

Иногда удавалось. Иногда – нет. Но когда зарплату выдавали, и продавщица при покупке товара **мило моргнёт**, – это было его благодарностью. Он рассказывал об этом жене. А та снова ругалась:

– Да вам, мужикам, только бы чужой бабе помочь! Тут он герой! А вот домой деньги принести – с этим никак! Газ отключат – ты об этом подумал?!

Она долго плакала.

Бяшмяк пошёл к фермеру, которому помог вернуть здание и избавиться от крупных штрафов. Рассчитывал на благодарность.

Тот пожаловался на жизнь:

– Ничем помочь не могу... Вот осенью будет картошка – я лично тебе два мешка привезу. Ничего не привёз. Забыл.

Так было почти всегда.

Он пошёл к мулле и задал вопрос:

– Вот я сколько лет работал во благо людей, а все меня презирают. Почему?

Мулла ответил:

– Ты свои идеи ставишь выше Всевышнего. Ты этих людей ставишь выше Всевышнего. Поэтому Всевышний и наказал тебя ими. Не надо возлагать на людей такие надежды. Они никогда не станут иными.

Ответ не понравился.

Бяшмяк вышел из мечети.

– *Больше сюда ни ногой!*

Тем временем случилось новое происшествие.

Глава района украл трубы – среди бела дня.

Ажаган Ялагаевич строил кафе в райцентре, ему понадобились трубы. Он вспомнил, что видел трубы у одного предпринимателя во дворе. Приехал, достал рулетку и начал измерять. Вышел хозяин:

– А что вы тут делаете?

– Мне трубы нужны для кафе, – честно признался глава.

– Так это же мои трубы!

– Ну ладно, не беспокойся. Я лишнего не возьму.

– У меня нет лишних! Всё моё! – скандалил предприниматель.

– Ладно... приедут к тебе сегодня вечером и шею свернут, – бросил глава на прощание и уехал.

Предприниматель осознал, во что вляпался, только вечером.

В ту же ночь он уехал с женой из райцентра. Когда вернулся – труб не было.

Он пришёл к Бяшмяку. Тот помог составить жалобу, подать в суд.

На следующий день к предпринимателю пришли люди. Приказали забрать заявление. Предложили компенсировать **половину стоимости**. Предприниматель согласился. Потом сам рассказал об этом Бяшмяку.

Правдоруб обрадовался:

– Тогда, может, поможешь мне с оплатой газа?

Тот замялся:

– Очень тяжёлое финансовое положение. Чуть окрепну – дам знать. Я тебе лучше хорошего человека посоветую.

Так Бяшмяк поехал в столицу Бататыстана – в Большой Город. Там его направили к депутату с тёмным прошлым – Ебэку Шелкину. Все говорили, что он был бандитом. И они были правы.

Он нашёл Шелкина и изложил свою просьбу. Тот выслушал и сказал:

– А я тебя знаю. Мне нужны такие смелые люди, как ты.

– Да? Меня знаете?

– Конечно. Я хочу стать главой Бататыстана. Мне нужна команда. Хочешь работать со мной?

– Я... привык быть волком-одиночкой.

– Это плохо. Надо быть в команде. Я создаю сеть по районам. В вашем районе будет работать мой помощник. Журьят Базнатович. Знаешь его?

Это был тот самый предприниматель, у которого глава украл трубы.

– Конечно! Я и ему помог.

– Так вот, он теперь мой помощник. Он будет твоей крышей. Работайте в команде, а я вас поддержу финансово. Подходит?

– М-м... Не знаю.

Ебэк открыл сейф, достал пачку денег и протянул Бяшмяку.

– Давай, не ломайся.

Он позвал помощника и пригласил обоих к окну:

– Видите внизу, на первом ряду, белые «Лады»? Одну – отдай товарищу.

Бяшмяк потерял дар речи. После стольких лет борьбы за «справедливость» – это была его первая настоящая благодарность.

Жена была в восторге. В жизни не видела таких денег.

Теперь работать стало легче. Он больше не был просто «поэтом-правдорубом». Теперь он действовал в тандеме с Журьятом Базнатовичем.

А тот был тот ещё жук.

Бяшмяк бил «пером», а Журьят – буквой закона. Вместе они стали серьёзной угрозой для главы района. С одним Бяшмяком глава бы ещё как-то справился. Но с этим дуэтом – уже нет.

Поддержка депутата Ебэка открыла для них новые возможности.

Они почувствовали, что могут разворошить осиное гнездо и вывести преступников на чистую воду.

Особенно их беспокоили новые люди вокруг главы – молодой чиновник Ябай, колхозник Телмерьян Бакин и бандит по кличке Сукуш.

ЯБАЙ – ПОПАДАЕТ НА КРЮЧОК

Карты легли так, что Ябай не смог нормально закрыть проект.

В одном из районов случилось ЧП: после сдачи в эксплуатацию крыша животноводческого помещения обрушилась, и сотни коров оказались под завалами. «Зелёные» подняли шум, на место потянулись федеральные журналисты. Руководство региона пообещало взять под контроль все стройки.

– Лучше бы люди умерли – шума было бы меньше, – ругался глава района.

«Оппозиционный дуэт» устроил турне по животноводческим помещениям в разных деревнях, включая и проект Ябая, и отправил фото и отчёты «зелёным». Всё преподнесли так, будто чиновники – патологические живодёры, получающие удовольствие от страданий животных.

Ябай первым прибыл на разрушенную ферму и приказал отправить искалеченных животных на убой. Оппозиционеры подали это как жестокое личное решение:

«Так он построил ещё одну ферму, чтобы снова искалечить животных», – гласило их обращение к общественности.

Проверяющие быстро добрались и до фермы Ябая. Комиссия вызвала его «на разговор», задавали вопросы: кто строил, кто допустил, где документы? Глава района мрачно выслушал новости, зло посмотрел на «юного друга» и сказал:

– Проблем в моём районе быть не должно.

– Не будет, Ажаган Ялагаевич, – пообещал Ябай.

«Вот козёл... – подумал Ябай. – Один звонок Башлыку – и он бы отвёл удар, договорился с комиссией. Но нет – даже пальцем не шевелит. Всё должен делать я – “юный друг”...»

Пришлось самому искать выход. Начальник строительного надзора региона, мерзкий лысый старичок по имени Сос Елгырович, согласился принять его.

Ябай приехал в город в назначенное время. Позвонил – и советник Елгыровича велел подождать «около липы у театра».

Было жарко. Автомобили поднимали клубы пыли. Ябай подошёл к театру. *Ну и где тут липа?* Он был удивлён – откуда они вообще знают все деревья в городе? Оказалось, что у театра действительно была **одна** липа – остальные деревья были тополи.

Возле липы уже стояло несколько человек. Ябай узнал одного – заместитель по строительству из соседнего района. *Клиенты Елгыровича*, – усмехнулся Ябай и отошёл в сторону.

Вскоре ему позвонили и велели сесть на заднее сиденье тонированной машины, припаркованной неподалёку. Внутри сидел Лысый – сам Сос Елгырович.

Тот изложил суть дела: надо заплатить больше. То, что было отдано раньше, теперь не считается.

– Всё меняется. Проверяют и меня. Иначе я не смогу тебя прикрывать.

– Как, Сос Елгырович? Мы же договаривались заранее!

– Форс-мажор. Ты знаешь, что такое форс-мажор? Мы договаривались на те условия. А сейчас всё поменялось. Не я же придумал эти проверки. Завтра мои инспекторы будут у тебя. Но они будут не одни. Так что готовься.

Вот старый жук... Ябай был в бешенстве.

Ничего не делая, этот бабай вытряхивал деньги у всех. Причём он уже получил своё – Ябай заплатил ещё до начала проекта, потому что старик на кредит **никогда** не работал. И теперь отказывается выполнять договорённости!

Ябай пытался найти общий язык. Обещал расплатиться с будущих проектов.

Но старик даже не стал слушать.

– Здесь речь идёт об уголовном деле, молодой человек. Такими кутарками свою задницу не прикроешь.

– Нет ли другого выхода?

– Есть. Иди, поговори с ментами, – Лысый оскалился.

Чиновник потребовал **удесятерить** «гонорар». Деньги нужны были уже к завтрашнему утру.

– Мне надо делиться, сами понимаете.

У Ябая не осталось, где занимать – все, кто мог, уже заняты. Он предложил вернуть деньги после оплаты помещения.

Тогда Лысый выкатил новые условия: проценты за каждый день.

По мнению Ябая, Лысый вовсе не нуждался в деньгах. Но тот умудрился скривить лицо так, будто не взятку требовал, а с утра таскал брёвна.

– Если вы не согласны, молодой человек, будем считать, что сделки не было. Не занимайте моё время. Видите, люди ждут, – чиновник показал на мужчин в пиджачках, что с неприязнью косились на машину с тонированными окнами.

Ябаю ничего не оставалось, как согласиться на «особые условия».

– Только потому, что у тебя карьера только началась, я соглашаюсь, – проворчал Лысый, будто бы взятка была ему тяжким бременем. *«Руки аж сопротивляются, а душа просит...»*

На следующее утро на стройку приехала комиссия. В документах были указаны десятки нарушений.

Ябай понял – **его кинули**. Земля как будто ушла из-под ног.

Он стал звонить Лысому, но тот сбрасывал. Потом вовсе выключил телефон.

Ябай отказался подписывать документы, но это не помогло – комиссия оформила акт об отказе от подписи.

– А теперь подпишите вот это, – начальник комиссии с усмешкой протянул другую бумагу.

В ней уже не было указано ни одного нарушения.

Ябай всё понял. Старичок оставил его **на крючке** – *на всякий случай*.

ЯБАЙ – КИДАЕТ СТАРИКА

Скандалная кампания по проверке животноводческих помещений длилась почти месяц. Тем временем бригада завершила работы в срок.

– Вот смотрите, Ябай Гадиевич, – старичок был доволен. Он с удовольствием показывал объект, радостно рассказывая о проделанном. Он не понимал, почему у Ябая такая кислая гримаса – ведь стройка вышла на загляденье!

– Вам понравилась работа, Ябай Гадиевич? – спросил старик в конце. Он не мог знать, что долг Ябая перед взяточником из стройнадзора рос с каждым днём.

– В целом нормально. Но пока оплату произвести не могу, – сказал Ябай. – Сами понимаете, какой был случай. Да и проверка у вас кучу нарушений нашла.

– Прости господи... Какие ещё нарушения?

– Ну вот. Они же нашли.

– Да не нашли они ничего, сынок... Ябай Гадиевич. Так, мелочь: мешок цемента не на том месте лежал, прицеп просили убрать с прохода – и всё. Остальное в порядке! Я в таких делах толк знаю! Покажите бумаги. Если надо – судиться с ними будем. За такие вещи стройку не приостанавливают. И не принять не могут.

Старик был прав. Но к этому времени Ябай уже решил, как расплатиться. Увеличенную сумму он намеревался покрыть за счёт доли строителей.

Конечно, можно было судиться с проверяющими. Но глава района строго-настрого «попросил» – отношения с Лысым надо уладить, и не вздумать кидать. А ещё Ябай уже всем разболтал, что собирается купить «Лексус». Откажется – и к нему будут относиться иначе.

И потом: если, как говорит Лысый, случился форс-мажор – почему уменьшаться должна только доля Ябая? Пусть страдают все.

– А вот это что? А это? Стены кривые! – Ябай придирчиво осматривал объект, выискивая недочёты, чтобы позже предъявить строителям и оправдать снижение оплаты.

– Прости господи, Ябай Гадиевич... Это же ферма! Здесь обои никто не клеит, – удивился старик. «Вот что делает с людьми должность...» – подумал он. Раньше Ябай заказывал у него объекты – претензий не было, оплата шла чётко. Правда, те заказы были небольшими. А этот – самый крупный в его жизни. И для всей бригады – тоже.

– Если нежилой дом, то можно работать как попало, что ли? – прорычал Ябай свирепо. Он был зол на всех. Все только пытались сорвать куш на нём, а он должен и заказы искать, и всё согласовывать. А они только просят и просят.

– Я уже сказал тебе. Оплата задерживается. Телевизор не смотришь, что ли?

– Какой телевизор! У нас, по-твоему, нечего делать?

– Ну вот, посмотри на досуге. И доделай то, что я сказал. Старик проводил его с недовольной гримасой.

– Ладно...

Ябай уехал домой. Уже собирался лечь спать, когда ему позвонили.

– Ябай Гадиевич, мы все недоделки устранили. Завтра утром ждём вас.

Черти, – подумал Ябай.

– Кто тебе звонит? – спросила жена, Гузель.

– Да есть тут черт. Вот он и звонит.

– Ему черт звонил! Папе черт звонил! – засмеялись дети. Ябаю тоже стало смешно.

– Папа, расскажи, какой он, этот черт?

– Пап, а он страшный?

Ябай улыбнулся и начал рассказывать:

– Лицо у него точь-в-точь как у козлика из трогательного зоопарка. Только без рогов. Лицо чёрное, как смола, глаза узкие-узкие и красные. Передних зубов нет. Одного уха нет. Из рта – чесноком. А сам – грязный, будто только что из помойки вылез. А рядом с ним – маленькие чертята. Такие же худые, как он. Ходят полусогнутые – прыг-скок, прыг-скок.

Он изобразил, как ходят строители на крыше. Все засмеялись.

– А что они кушают?

– Они кушают деньги. *Мои деньги!*

– Папа, не отдавай им наши деньги!

– И не отдам.

– У тебя точно всё получится? – с сомнением спросила жена.

– Всё у меня получится. Разве у Ябая Гадиевича когда-нибудь что-нибудь не получалось?

– Вот за это я тебя и люблю, – прошептала она, прижимаясь к нему.

Ябай поцеловал её в лоб. *Какая же красавица у меня жена!*

Такой женщине нужен особый уход. А этим строителям придётся раскошиться – их жёнам ничего не надо, а у него – семья, деревня, ответственность. Засунул босые ноги в калоши и пошёл давить дерьмо.

Надо найти такие нарушения, которые невозможно исправить. Надо говорить с ними так, чтобы им стало стыдно. Чтобы почувствовали вину.

С этими мыслями он долго не мог уснуть.

ЯБАЙ – ЧЕЛОВЕК НЕПРОСТОЙ

Он был из «золотой» молодёжи. Родители, руководители средней руки, души не чаяли в детях. Старались дать им хорошую должность, чтобы самим потом не оказаться у разбитого корыта на старости лет. Ябай вырос очень честолюбивым.

Тогда учёба на юрфаке считалась престижной, и родители изо всех сил старались – и смогли устроить его именно туда. Обошлось это дорого, но они были готовы расстаться со всем, лишь бы сын был «при деле».

У Ябая с детства была *одна мечта*, привитая родителями: **если не стать главой Бататыстана, то хотя бы добраться до вершины региона**. А для этого сначала надо было сделать карьеру в районе. А потом – наверх.

Теперь он уже был на финишной прямой. За короткий срок он добился немало. Стал заместителем главы, катался на «Тойоте», открыл жене салон красоты в районном центре. Деньги, если и не текли рекой, то ручейком шли – и неплохим. Коттедж на окраине райцентра. Всё – как у больших людей.

Ябай любил побеждать – и пока у него всё получалось. У него даже жена была не из простой семьи, и он этим гордился. Он женился на первой красавице университета. Его жена, Гузель, ещё студенткой стала «Мисс Университет». Надменная, гордая, с военной выправкой – большинство парней просто боялись с ней познакомиться.

Ябай решил: *во что бы то ни стало, она будет моей*. Предварительно узнал всё о её родителях. Но когда подошёл познакомиться – Гузель даже не стала разговаривать с ним.

Но Ябай не отступал. Он ухаживал настойчиво, методично, красиво.

Гузель, дочь потомственного военного, родившаяся в Германии, не считала сельчан за людей. Её ухажёры были в основном бандиты – в то время это считалось модным. Но Ябай, как он сам считал, сумел отбить её и жениться.

Это он так считал.

Если бы Ябай мог слышать мысли своей жены, он бы очень расстроился – его роль в этой истории была на удивление скромной.

ГУЗЕЛЬ

Гузель рано начала встречаться с парнями и вкусила все «прелести» жизни – по её словам, *меняла парней как перчатки*. Родители пытались запереть её дома – она симитировала суицид. Потом мать сама отвела её на аборт. Гузель делала, что хотела, пока не влилась в местную группировку.

Она поняла, что это ошибка, слишком поздно – бандиты не отпускали своих девушек. Она стала «крутой», но дороги назад уже не было. «Бандиты как картошка – или весной поса-

дят, или осенью уберут», – шутили в округе. Убрать могли и её, если окажется не в том месте. Или стать вдовой. Вечной. И это были не просто слова – многие бывшие подруги бандитов давно лежали под соснами на кладбище.

Её ухажёром стал бандит по кличке Репка. Он ей не нравился, но после начала отношений пути назад не было. Девушкам из группировки запрещалось уходить к другим. «Девушка моего друга – мужик», – гласило правило.

Репка был смотрящим по району. По понятиям, он не имел права встречаться с ней, ведь раньше она общалась с другим. Но «пацаны» сделали вид, что ничего не было. То ли боялись, то ли решили придержать этот козырь на потом.

У Гузель было всё: деньги, статус, защита... *Хотя любви не было, зато были крутые тачки и безопасность.* Но она была на взводе. Правила, условности, постоянный страх – всё это истощало. *Я так больше не могу. Пусть будет что будет,* – решила она.

Репка приехал поздно вечером. Она вышла в пижаме.

– Не поеду. Надо к экзаменам готовиться.

– Надо. Собирайся, – коротко бросил Репка.

– Я не поеду, Репка.

Рядом стояли «младшие» – его подчинённые. *Прям молодую гвардию из себя строят...* Она даже не успела заметить, как Репка взмахнул рукой. Удар отбросил её на два метра. Он тут же схватил её и швырнул в багажник.

Вот и всё. Убьют. Вывезут и закопают где-нибудь... – думала она, лежа в тесном железном гробу на колёсах.

Но её привезли... на шашлыки.

– Не хочешь добровольно – привезём насильно, – усмехнулся Репка.

Бандиты смотрели на него с уважением.

Так она и «отдыхала» на шашлыках – в ночной рубашке.

Больше она не смела возражать Репке. Она поняла: даже если Репку убьют, в Большом Городе никто не даст ей встречаться с другими – *эти шакалы следят*, чтобы бывшие вели монашеский образ жизни. А если посадят – будешь ездить в тюрьму на свидания. *Еще хуже.*

Ей помог случай. Банда Репки ввязалась в большую войну – и проиграла. На Репку напали на улице, но он убил киллера и скрылся. Без главаря банду разбили напрочь. За неполный год ближайших его людей не осталось – кого убили, кого посадили, кто-то сбежал, а кто-то примкнул к другим.

К тому времени Ябай уже очень настырно за ней ухаживал. *Вот шанс*, поняла Гузель. Исчезнуть из поля зрения бандюганов. Она навела справки: Ябай возвращается в родной колхоз, и к тому же был первым парнем в деревне.

– *В райцентре!* – обижался Ябай. Но Гузель было всё равно – колхоз так колхоз.

Надо валить отсюда. Валить и затаиться. Потом видно будет. Знающие люди говорили – в деревнях свои банды. Даже если кто и приедет из города с претензиями, местные своих защитят. *Значит, надо валить!*

Она всё подстроила. Ябай был уверен, что «добился» её с боем – прям королеву. Сразу после учёбы она вышла за него замуж и уехала в *глубокую деревню* – в райцентр Таш Асты. Даже

родителей удивила – они не знали подробностей её отношений с Репкой. Исчезла мгновенно. Захлопнула дверь в прошлое.

Жизнь удалась. В деревне все всё знали – сплетни, обсуждения... Но она была из Большого Города. И о бурной молодости Гузель *догадывался только один Ябай* – и то смутно. Остальные считали её мисс Вселенная. Завидовали Ябаю.

Ябай всем хвастался:

– Она «мисс Университет»!

О том, что тёща была деканом и продавала победу – он не упоминал. На пьянках рассказывал:

– Я отбил её у крутых бандитов!

– Не говори про это. Кто прошлое ворошит – тому глаз вон! – шипела Гузель после таких застолий.

Но Ябай не унимался.

Ну и дурак. Нашёл, чем хвастаться... – думала она.

Иногда её тянуло – *как раньше, познакомиться с кем-нибудь, погулять, снова почувствовать себя свободной...* Но она понимала: здесь не город. Слухи быстро дойдут. А если с прежними знакомыми – ещё опаснее. *Могут предъявить...*

Она ушла, но отпечатки прошлого всё ещё стояли за спиной.

А Ябай сделал жене «царский» подарок – открыл первый в районе элитный салон красоты. Нельзя сказать, что деньги текли рекой: Гузель не любила управлять – она любила считать. Но благодаря должности мужа клиентов хватало – в салон потянулись жёны, дочери, подруги чиновников и начальников.

Салон сделал её уважаемой в райцентре – и это ей нравилось. *Лучше быть хозяйкой бизнеса, чем подружкой бандита, рядом с которым ни один парень не осмелится взглянуть в твою сторону.* А здесь всё наоборот – завидуют, хотят дружить.

Даже когда она забеременела, она не передала управление другому, как предлагал муж. После родов наняли няню – Гузель быстро вышла на работу.

– Мама, я счастлива! – говорила она матери. Родители не верили своим ушам: *девочка, отбившаяся из рук, стала примерной женой и матерью.*

Да, у мужа бывали проблемы. Но на то он и мужчина. Гузель, как бывшая подруга бандита, догадывалась – *дела у него мутные.* Конечно, всё это богатство честным трудом не даётся.

Иногда это её пугало. Но откровенных разговоров она избегала. *Чем меньше знаешь – тем крепче спишь.* Она не хотела знать лишнего. Главное, что Ябай, вроде бы, не убийца.

А ведь мог бы быть так... И тогда бы всё это рассыпалось, как карточный дом.

ЯБАЙ КИДАЕТ СТРОИТЕЛЕЙ

На следующее утро Ябай приехал на объект. Он уже решил – «*лишние*» *затраты надо повесить на строителей.*

Оказалось, что Николай не только посмотрел телевизор, но и нашёл каких-то коллег из других районов, у которых тоже были проблемы с оплатой.

– Я так понимаю, Ябай Гадиевич, это временные проблемы. Просто приём объектов переносится на более длительный срок. Моим знакомым оплату обещали на следующей неделе.

– И что?

– У нас же контора одна и та же. Мы такие же субподрядчики, как и они. Я так понимаю, что оплата будет на следующей неделе?

«Точно черт», – подумал Ябай.

Он зашёл на ферму. Пока ехал, уже придумал, как надо докапываться до строителей. Хотел придраться к стенам – но было видно, что строители снова отшлифовали стены.

Старик это заметил.

– Мы всё сделали, Ябай Гадиевич. Мои люди, конечно, были недовольны – ведь это дополнительная работа...

Старик что-то не договаривал. Ябай ждал, что старик сейчас выкатит коронную фразу. Сейчас начнёт кем-то пугать... Но он уже был готов к этому.

– Ябай Гадиевич... Тут вот такая проблема...

– Что за проблема? У меня проблем нет. Если она есть – то только у вас.

– Да, проблема у меня. У меня брат жены умер сегодня утром. Мне надо уехать.

У Ябая как будто груз с плеч свалился. Старик уедет. А если он уедет – остальные не в счёт. *Так ещё лучше.* Об уменьшении суммы он скажет по телефону.

Он сделал очень сердобольное лицо:

– Да? А что случилось-то? Примите мои искренние соболезнования, дядя Коля!

Старик почувствовал что-то неискреннее в его голосе, но поскольку Ябай уже давно не обращался к нему по-человечески, подвоха не заметил. Скорее – *не хотел замечать...*

– Да в аварию он попал. Его жена тоже в очень плохом состоянии. Моя жена с ней очень ладила. Да мы жили как одна семья. Вот такая незадача.

– Да вам срочно надо ехать! Да, конечно, езжайте! Вам какая-нибудь помощь нужна?

Старик не ожидал такого отношения.

– Да нет, Ябай Гадиевич... Надеюсь, на следующей неделе и оплата будет.

– Оплата точно будет! Вот я и хотел вам это сообщить. Жалко, что не можете радоваться как положено. Форс-мажор, сами понимаете...

– Да главное, чтобы оплата была, мы уж подождём недельку.

– Вы один уедете?

Ябай втайне надеялся, что и другие строители уедут.

– Да нет, здесь же почти половина – мои родственники. Племянник вот, Саша, Сергей – брат мой младший. Да и Иван, Вовка – они тоже родственники со стороны жены... Если вы не против, они тоже уедут. Алексей тоже не может задерживаться – ему какая-то шишка коттедж

заказал. Он своих ребят тоже хочет забрать. Да и нет смысла им без меня тут сидеть. Я же их собрал, они от меня и просят деньги.

– Да, да, конечно...

– Ну, принимайте тогда объект, Ябай Гадиевич!

Ябай принёс документы на приём-передачу объекта от строителей. Это были ложные бумаги с поддельными печатями. *Если дойдёт до суда – с такими документами отсудить что-то будет практически невозможно.*

Рабочие отнеслись к подписанию внимательно. Неполучение денег в срок уже посеяло сомнения. Они изучали бумаги, но фальшивые печати не распознали. У Ябая было зарегистрировано три фирмы с одинаковыми названиями, но разными ИНН. Рабочие этого не заметили. Николай, несмотря на прошлое военного, был полным профаном в таких делах. Он даже не знал, кто именно имеет право подписывать акты – знал только, что акты должны быть.

Он попросил расписку. Но Ябаю удалось убедить, что главное – это акт, подписанный *представителем администрации района*. Волшебное слово на поддельной печати – **«администрация»** – подействовало безукоризненно.

Строители уехали. Через неделю Ябай получил оплату.

Первым делом он внёс долю главы района. Тот выразил недовольство.

– Разве мы договорились всего на два куска?

– Да, Ажаган Ялагаевич.

– Я точно помню, что я сказал «три».

– Нет, два вы говорили. Вы ошибаетесь.

Глава района посмотрел на него недоверчиво.

– Если я говорю «три», это означает «три». Я *никогда* не могу ошибаться. Я мог ошибиться только в одном – в своём новом заместителе. Или я не прав?

Ябай знал, что сын главы района попал в какую-то передрагу. *Изнасиловал проститутку в городе*, а братва потребовала с него деньги, пообещав крупные неприятности. *Какие неприятности могут сутенёры уличной проститутки устроить могущественному главе района?* – удивлялся Ябай, когда во время одной из пьянок директор кирпичного завода по секрету рассказал ему про этот случай.

Спорить с главой района он не мог. Здесь вообще не принято выражать недовольство начальнику. В Бататыстане ходила злая шутка: *«Ты можешь говорить начальнику своё мнение. Но только один раз»*. Глава ни с кем не церемонился.

– Да, я что-то запамятовал. Три, точно.

– То-то. Вот это другой разговор. Ты же понимаешь, сколько я сил потратил, чтобы отвести удар с твоего объекта. Я же знаю, что у тебя самого возникла идея отблагодарить меня за это. Я так понимаю, про третий кусок ты просто забыл. Съезди домой, принеси, – сказал глава.

Раздосадованный Ябай поехал домой. *«Вот черт, старый жулик!»* Этого только не хватало. Миллион! Ябай точно знал, что глава палец о палец не ударил, чтобы комиссия ничего не нашла. Просто сидя в кресле – требует деньги!

– *Вор! Жулик! Старый хрыщ!* – Ябай бил по баранке автомобиля, пока ехал домой. Приехав, он застал жену дома.

– Ты почему не на работе? – прорычал он.

– Что ты психуешь? Надо купить новое оборудование. Мне подруга Лилька рассказала – оказывается, у всех уже всё обновлено, а у нас всё старьё. К нам уже никто не ходит.

– Какое старьё? Год назад всё обновили. Надо просто лучше работать! А не просиживаться дома!

– Это тебе лучше надо работать! Лучше скажи, когда я купила себе нормальные платья! А что ты говорил про отдых? *«Мальдивы, Мальдивы!»* Где твои Мальдивы?!

– Где я найду деньги? Не понимаешь, что ли, какой кризис в стране?

– Найди где хочешь!

...Ябай очень скоро пожалел, что открыл рот. Он еле успокоил супругу, пообещав купить ей новую «Мазду» взамен «Пежо». *«Найди где хочешь»* – её любимое выражение, она произносила его почти каждый день.

Он точно знал, что салон мог бы приносить намного больше, *если бы супруга работала лучше.* Он мягко предложил даже отдать бразды правления другому человеку, а ей оставаться просто учредителем. Но супруга не согласилась – устроила скандал.

"Вот за что я её люблю, да..." – вспомнил Ябай с усмешкой, – *"за непредсказуемость и вечный шантаж."*

Что поделаешь – красота требует жертв, – горько усмехнулся он про себя. *Зато какая эффектная женщина! Всем на зависть! Ну что ж, придётся раскошиться.*

Отдав деньги главе, вечером он уехал в город. Встреча с Лысым была назначена в том же месте. Прикол – как и в прошлый раз, около театра стояли мужички в пиджачках. *«Клиенты Лысого». Ха-ха. Хоть Лысый оказался приличным человеком. Сумму не увеличил. Единственный положительный негодяй»,* – подумал Ябай.

За день до этого Лысый сообщил, как передать мзду. К нему должен был подойти человек и забрать деньги. На самом деле так и получилось. К нему подошёл парень, сказал, что сумку надо оставить в багажнике припаркованной около театра «Калины» и сообщил номер.

«Не надо подходить к водителю».

Ябай открыл багажник, положил сумку. Дальше он и опомниться не успел.

Те самые мужики в пиджачках, стоявшие около липы, заломили ему руки. Вдруг откуда ни возмись какой-то автомобиль преградил путь «Калине», водителя тоже вытащили из салона и положили на капот. Люди в пиджачках ткнули в лицо удостоверения, сообщили о задержании, руки заковали в наручники.

«Вот и всё...» – подумал Ябай. От страха у него заурчало в животе, и он почувствовал, как что-то тёплое сползает внутри брюк...

Когда опера долго пересчитывали купюры и хотели его отвести в отдел, Ябай попросил отвести его в больницу.

– Ты выглядишь очень даже хорошо для взяточника, симулянт, – сказал у них старший.

– Нет, мне надо в больницу.

– А что у тебя?

– Да под себя он наложил, командир, – захихикал один из оперов.

Всем стало весело. Кроме Ябая. Даже задержанный водитель ржал во весь голос.

ЯБАЙ – СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Кто бы мог подумать! Ябая выпустили в эту же ночь. И выпустили благодаря Лысому! Оказалось, что у него какой-то большой кореш в органах. Он сам лично встретил его у СИЗО и рассказал об этом. Лысый обрисовал ситуацию:

– Ты сам виноват. Ты какому-то левому человеку сообщил, вот у них была информация. Они тебя и ждали. Менты бабки оставляют себе. Зато ты *чист перед законом и совестью*. Понял?

– Спасибо, Сос Елгырович! Я даже не знаю, как вас отблагодарить!

– Наша договорённость не исчезла. Я понимаю, что тебе тяжело, но ты меня тоже пойми. Мою долю завтра же принесёшь. Завтра за твоим домом будет стоять машина. 762. Положи в багажник. И заруби на носу – не носи сам. Что, у тебя никого нет? Поймали бы другого – никто слова не мог бы сказать тебе. А так тебя уже зафиксировали. Ты меня услышал?

– Да... Но... Откуда?

– Не знаю. Проверь своё окружение. Сумму я *увеличиваю значительно*... Сам понимаешь – мог бы намного увеличить, всё-таки я тебя спас от тюрьмы. Но с одним условием.

– Каким?

– Познакомь меня с подругами жены. Я один раз видел её – ну ты молодец! Обрадовал бы старичка! Ну она, наверное, и отжигает у тебя... Ах! Я бы *припечатал* её как следует! Ну как, по рукам?

У Ябая *внутри вскипело*. «Посмотрел бы ты на себя, старый извращенец! Вот, старую каргу в своём отделе *припечатай!*» Но своё мнение он оставил при себе.

По дороге домой Ябай усиленно думал. *Ему от этого объекта не остаётся ничего. Ниче-го*. Считай, вся его работа за полгода прошла зря. Считай, что он впустую работал. С учётом того что жене надо найти где-то полмиллиона... Ничего не остаётся!

Он долго ломал голову, кто мог его сдать. Вроде никто и не знал, что он сегодня будет отдавать деньги Лысому. Конечно, во время ссоры он жене наорал, что придётся деньги отнести Лысому... «Она дура и проболталась небось», – подумал Ябай. Но какой сейчас смысл? Она всё равно не признается, просто очередная ссора ещё больше усложнит отношения. Сам дурак, в следующий раз будет меньше болтать! Да и хороший ему урок – надо найти *надёжного* человека!

Приехав домой, он встретил у ворот соседа – директора кирпичного завода. Тот провожал гостей.

А вот, мой друг Ябай! – заорал подвыпивший директор. И, заплетаясь языком, познакомил со своими гостями. Они оказались милиционерами из убойного отдела. «С такими людьми надо дружить», – подумал он.

– Ябай, хотя и молодой, молодец! Через каждые два месяца меняет машину. Вот он на следующей неделе «Лексус» покупает!

Гости посмотрели на него с уважением. Сразу начали поинтересоваться новым автомобилем. «Лексус» их явно заинтересовал.

Выпивая с гостями соседа несколько раз «на посошок», Ябай ложился спать только утром. Но засыпая, он решил – «Лексус» будет куплен несмотря ни на что. Авторитет превыше всего! Как говорили милиционеры: «*опущенный пахан – уже не пахан*». А он должен быть на высоте! Ну что ж, кто-то не должен получить свою долю – пусть это «кто-то» будут строители.

А Николай ему позвонил уже на следующий день.

– Я же говорил на следующей неделе! – прорычал Ябай.

Старичок хотел с ним поговорить, но Ябай не стал долго слушать.

– перезвоните на следующей неделе.

Николай позвонил вечером.

– Моему знакомому уже оплатили.

– А мне ещё нет.

– Как так может быть?

– Не знаю.

Ябаю было некогда с ним разговаривать. Но потом до него дошло, что со стариком нельзя так разговаривать. Он вспомнил про его родственника.

– Как ваши родственники?

– Да она прикована к постели. Деньги нужны на лечение. Ябай Гадиевич, не могли бы вы ускорить оплату.

– Конечно, я постараюсь. Постараюсь я. Точно позвоните через неделю.

Николай позвонил на следующей неделе. В тот день у Ябая был двойной праздник. Он подарил жене долгожданную «Мазду», себе – «Лексус». Жена была на седьмом небе от счастья, прямо в салоне прошептала ему, как будет любить своего умного и прекрасного мужа. Услышав трель телефона, в предвкушении прекрасной ночи любви он нажал на кнопку ответа, даже не подумав, кто это. Звонил Николай.

– Мне мой знакомый сказал, что вам деньги тоже перечислили, – сказал старик.

– Да? Вот и спросите у своего знакомого!

Его охватил безудержный приступ ярости. Всё вокруг – враги, все хотят от него чего-то. Он всем должен, а другие ему ничего не должны. На работе дёргают целые сутки, пришёл домой – и там просто так тебя любить не будут, ты чего-то должен. И ещё этот старый испортил ему прекрасный семейный праздник.

– Мне ещё ничего не перечислили. Как будет оплата – я вам скажу, – сказал Ябай и дальше его не стал слушать.

И внёс его номер в чёрный список. Потом передумал – а вдруг тот будет звонить на рабочий номер? Лучше пусть он будет звонить на сотовый. И снова вошёл в настройки и убрал из чёрного списка.

А вот, мой друг Ябай! – заорал подвыпивший директор. И, заплетаясь языком, познакомил со своими гостями. Они оказались милиционерами из убойного отдела. «С такими людьми надо дружить», – подумал он.

– Ябай, хотя и молодой, молодец! Через каждые два месяца меняет машину. Вот он на следующей неделе «Лексус» покупает!

Гости посмотрели на него с уважением. Сразу начали поинтересоваться новым автомобилем. «Лексус» их явно заинтересовал.

Выпивая с гостями соседа несколько раз «на посошок», Ябай ложился спать только утром. Но, засыпая, он решил – *«Лексус будет куплен несмотря ни на что. Авторитет превыше всего!»* Как говорили милиционеры: *«Опущенный пахан – уже не пахан»*. А он должен быть на высоте. Ну что ж, кто-то не должен получить свою долю – пусть это «кто-то» будут строители.

А Николай ему позвонил уже на следующий день.

– Я же говорил на следующей неделе! – прорычал Ябай.

Старичок хотел с ним поговорить, но Ябай не стал долго слушать.

– перезвоните на следующей неделе.

Николай позвонил вечером.

– Моему знакомому уже оплатили.

– А мне ещё нет.

– Как так может быть?

– Не знаю.

Ябаю было некогда с ним разговаривать. Но потом до него дошло, что со стариком нельзя так разговаривать. Он вспомнил про его родственника.

– Как ваши родственники?

– Да она прикована к постели. Деньги нужны на лечение. Ябай Гадиевич, не могли бы вы ускорить оплату.

– Конечно, я постараюсь. Постараюсь я. Точно позвоните через неделю.

Николай позвонил на следующей неделе. В тот день у Ябая был двойной праздник. Он подарил жене долгожданную «Мазду», себе – «Лексус». Жена была на седьмом небе от счастья, прямо в салоне прошептала ему, как будет любить своего умного и прекрасного мужа. Услышав трель телефона, в предвкушении прекрасной ночи любви он нажал на кнопку «ответить», даже не подумав, кто это. Звонил Николай.

– Мне мой знакомый сказал, что вам деньги тоже перечислили, – сказал старик.

– Да? Вот и спросите у своего знакомого!

Его охватил безудержный приступ ярости. *Все вокруг – враги, все хотят от него чего-то. Он всем должен, а другие ему ничего не должны.* На работе дёргают целые сутки, пришёл домой – и там просто так тебя любить не будут, ты чего-то должен. И ещё этот старый испортил ему прекрасный семейный праздник.

– Мне ещё ничего не перечислили. Как будет оплата – я вам скажу, – сказал Ябай и дальше его не стал слушать. И внёс его номер в чёрный список. Потом передумал – а вдруг тот будет звонить на рабочий номер? Лучше пусть он будет звонить на сотовый. И снова вошёл в настройки и убрал из чёрного списка.

Список заблокированных был длинный, и Николая он не нашёл сразу. Копошась в списке, настроение у него ещё больше ухудшилось – каждый номер напоминал о себе. Все эти люди хотели от него чего-то. *Ну и пусть сидит в списке заблокированных, пусть звонит на рабочий, –* подумал он и вышел из настроек.

Посмотрев на свою жену, которая радостно что-то щебетала своей подружке о новой покупке, Ябай сразу забыл про эту неприятность. Сегодня его будут любить!

И его любили. Он всю ночь наслаждался. *Вот меня любит она, ради меня она даже такого авторитетного бандита бросила. Я круче всех!*

Ажаган Ялагаевич выяснил, что за арестом Ябая якобы стоит Журьят Базнатович. Об этом он рассказал прямо во время планёрки – якобы коммунисты-депутаты купили прослушивающие устройства Журьяду для контроля над чиновниками. Якобы Бяшмяк Гумбин эти самые микрофоны через посетителей смог установить в здании администрации и всё прослушивал.

– Надо что-то делать, – сказал глава.

С ним все были согласны, ему ответили одобрительным гулом. Но главе не понравилось, что начальник милиции молчал.

– Чё молчим? Кто тут начальник милиции? Ты или Журьят? Какой-то щенок правит в районе, кого хочет – того арестует. А у нас есть начальник милиции, который даже не может освобождать арестованного. Анискин хренов!!!

«Анискин» встал и уныло молчал. Глава пришёл в бешенство – взял телефон и пустил в него. Аппарат попал ему в грудь, только тогда тот проснулся:

– А? Что?

Даже глава сам рассмеялся.

– Толстокожий! Надо что-то делать!

– Делаем, делаем...

– Делает он... Знаем мы, что ты делаешь. Шашлыков небось опять жарил? Опять нажрался?

Глава всех выгнал, Ябаю просил задержаться.

– Пригласи Телмерьяна...

Телмерьян Бакин тоже был из рода «молодых да удалых». Парень с глуповатым выражением лица был одним из помощников главы по «тёмным делам». Официально он числился охранником здания администрации – ночным сторожем, неофициально – занимался выбиванием долгов. Его знакомство с главой произошло неожиданно. Один из парней в райцентре как-то решил отомстить главе района за всё нехорошее и хотел поджечь его дом. Телмерьян был одним из друзей этого парня. Когда друг рассказал ему об этом и просил помочь, он сдал парня главе. Несчастного парня украли на улице в тот же день. Его пытал сам глава вместе с Телмерьяном, подвесив за ноги на дерево, пока тот не выдал всех сообщников.

После того как парень сломался, его решили использовать «с пользой». В то время глава решил очистить Таш Асты от «старья» – хозяйственных помещений, где люди держали хлам,

птицу, скотину. Парня заставили поджечь все эти помещения. Перед ним маячил уголовный срок, и он согласился.

В результате пожара поднялся страшный скандал, даже терпеливый народ Таш Асты взорвался. Кроме всего прочего, в одном из сараев сгорел алкоголик... Виновным в пожаре объявили того самого парня. Его фотографии с бутылкой керосина в руке повесили около сгоревших сараев. Свидетелем на суде выступил и сам Телмерьян – так захотел глава, чтобы у парня не было обратного хода. Его упрятали за решётку, и вопрос со старыми сараями был решён. Вскоре пришло сообщение о самоубийстве заключённого. Это тоже было запланировано – Телмерьян заставил парня помыть туалет, это сняли на видео и отправили в колонию с пометкой: «опущенный». Видимо, тот не смог терпеть унижения. А глава по поддельным документам оформил страховку и построил себе новый дом.

Для обсуждения вопроса про Журьята глава пригласил всех на «совещание» в ту самую плавучую баню. После того как его назначили главой, он велел построить её заново. И самые секретные переговоры теперь проходили там. Правда, «капитаном» и «моряками» служили уже другие люди, а пруд приватизировали и отгородили высоким забором.

Когда Телмерьян и Ябай приехали на баню вечером, там уже был Сукыш Томшыков по кличке Чёрный.

Внешне Чёрный производил впечатление добродушного малого. Но только внешне. Глаза выдавали хладнокровного убийцу. Он на самом деле им и был – когда-то служил киллером у челнинских бандитов. Банда, с которой он был связан, была уничтожена в одной из войн подчистую. Сукыш сбежал из Татарстана и осел в Таш Асты.

Они уже были знакомы по старым делам. Один раз он уже помог Ажагану решить вопрос с людьми эстрадного певца во время «порнушного» скандала. После этого долго не виделись. Прибыв в район, Сукыш вежливо постучался к главе, зашёл, подняли рюмку за здоровье и покой. Глава поинтересовался, какими судьбами тот пожаловал в район, и уже боялся ответа.

– Мне нужна оплата за прошлый раз.

– Ну, в тот раз же я тебе оплатил уже сполна, – сказал глава. – Наверное, ты мне должен.

– Тебе я уже ничего не должен, как и всем остальным, – ответил Сукыш.

– Я сделаю авансовый платёж, – сказал глава, который уже решил, как можно использовать бандита.

Ажаган Ялагаевич очень быстро придумал, как пристроить киллера. Он предложил ему возглавить ЖКХ района. Планы главы были грандиозные – ввести плату за всё: и за мусор, и за воду, за которые раньше никто не платил. Но и без новых сборов росли долги – огромное количество людей годами не платили, плюс к ним добавлялись чиновнички и бизнесмены. Сам Ажаган с многими не хотел портить отношения, а бандит справится.

Так и получилось. Должники, которые годами не платили коммуналку, начали исправно платить. Буквально за месяц должников и не осталось. *Как этого добивался Чёрный, глава понимал прекрасно, но не вмешивался.* Чёрный получал свои проценты, а глава – деньги.

На этом фоне они стали неразлучными друзьями. Бандит получил золотую жилу, а глава – стабильный источник дохода. Вскоре Чёрный был избран депутатом районного совета и стал уважаемым человеком в районе. Ходил в галстуках и выступал на сессиях районного совета. Больше всего он любил толкать речи про пионерию и ветеранов, про моральный облик современной молодёжи.

В районе все догадывались, что этот человек связан с бандитами и очень опасен, что у уважаемого депутата Сукыша Томшыкова руки по локоть в крови. Знали – но молчали. Не платить за коммуналку никто не смел. К таким подходили молодые парни «на переговоры», которые в лучшем случае заканчивались угрозами. Да и после того как один злостный неплательщик лишился глаза, другой – дома после поджога, желающих воевать с коммунальщиками не нашлось.

Не сказать, что всем нравилась такая ситуация... Однажды начальник отдела образования – пожилой старичок, «староста района» Мышы Пошиевич – пытался объяснить главе, что держать убийцу в ближнем кругу опасно. Ажаган только махнул рукой:

– Ну и ладно, а кого он убивал-то? Бандюганов, отбросов общества. Он мир чистил от грязи. И наш район погряз в грязи. Он нам нужен... А вот если ты считаешь себя не нужным, скажи, я по старой дружбе его попрошу тебя ликвидировать.

Глава поржал. У него все шутки были такие.

...После того как все собрались на бане, глава объяснил Сукышу, Телмерьяну и Ябаю задачу.

– Вам надо решить вопрос с Журьятом раз и навсегда. Я точно знаю, что ему подарили прослушивающий аппарат. Все вы знаете, что Ябая поймали после этого. Где он и что прослушал – я не знаю, но всё не случайно, сами понимаете. Дальше нас ожидают большие дела, мы не можем мрази мешать нам. Надо его убрать.

– А как? А разве начальник милиции не занимается этим? – спросил Ябай.

Сукыш брезгливо посмотрел на него – «чмошник» не врубался в вопрос.

– Нет. Его дело – не дать вмешиваться посторонним. Он в курсе, но его нельзя в это вмешивать. Убираете мусор вы.

– А как? Я не хочу тоже вмешиваться, – слабо возразил Ябай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.